

Бешеный мир

Автор:

Роман Глушков

Бешеный мир

Роман Анатольевич Глушков

Абсолютное оружие

Заряжайте свои дробовики, ибо привычный нам мир летит в тартарары! Человечество раскололось на два вида: тех, кого поразила загадочная болезнь под названием «Зов», и тех, до кого она еще не добралась. Первых за их звериную кровожадность не мудрствуя лукаво назвали зомби. Вторые пытаются выжить в царящем повсюду хаосе, но с каждым днем их становится все меньше, а зомби – все больше... Потерявший всю свою семью бывший артист циркового родео Степан Четвертаков и его напарник, беглый зэк по кличке Ананас, – наемники, очищающие мир от бандитов и зомби. Бизнес наемников шел неплохо до тех пор, пока однажды они не спасли от смерти незнакомца из Индии, что разыскивал в России свою превратившуюся в зомби сестру. Что и стало началом свалившихся на них затем крутых неприятностей...

Роман Глушков

Бешеный мир

© Глушков Р. А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Как ужасно не знать, кто вечером будет живой, а кто – мертвый.

Астрид Линдгрэн

Глава 1

Капитан псковского гвардейского десантно-штурмового батальона Александр Ураганов был очень крутым парнем. Даже сам юго-западный склон Эвереста не мог бы сравниться с ним в крутизне, поскольку, я уверен, у Сашки хватило бы сил и упорства покорить сей легендарный альпинистский маршрут.

Единственное, что еще могло считаться круче Урагана, так это вареные яйца. Но он в конце концов обставил в этом плане и их! Жаль, только радоваться победе не пришлось ни ему, ни мне. Потому что когда в одно далеко не прекрасное утро в голове Ураганова прозвучал Зов, мозги капитана тут же сварились вкрутую, и он превратился в зомби. Со всеми вытекающими отсюда проблемами. И самой главной из них было обуявшее Сашку нестерпимое желание сожрать своего напарника...

...То есть меня!

С чем я, разумеется, категорически не согласился. И оказал яростное сопротивление Сашкиной попытке позавтракать мною.

Мы проработали на пару с Ураганом полтора года – достаточный срок для того, чтобы называться не только деловыми партнерами, но и настоящими товарищами. Мы столько раз вытаскивали друг друга изо всяких передрыг, что даже перестали говорить друг другу за это спасибо. Хотя, говоря начистоту, Сашка спасал меня чаще, чем я его, ведь он, влипая в неприятности, всегда имел больше шансов выпутаться из них, не дожидаясь подмоги. Что, впрочем, было в порядке вещей для человека, способного убить за раз голыми руками, а также ногами, полдюжины врагов-людей или двух-трех простых зомби-копателей. Я же – сорокапятилетний цирковой артист – не мог похвастаться такой физической

мощью. С моими силенками и одного-то зомби в рукопашном бою не одолеть. А кидаться с кулаками на такого свирепого зомби, в которого вдруг превратился капитан Ураганов, было и вовсе равносильно самоубийству...

А началось то злополучное утро вполне обыденно. Как об этом зачастую пишут в книгах: ничто не предвещало грозу. Кроме разве что обычной майской грозы – той самой, которую так любил поэт Тютчев. Однако сверкающие зарницами, тяжелые тучи ползли по горизонту не к нам, а на запад, к Самаре, и, по всем признакам, должны были обойти нас стороной. Мы же с Сашкой проснулись по привычке с первыми лучами солнца и, прежде чем возобновить наш путь, уселись завтракать.

Я не сомневался, что сегодня мы наконец-то настигнем банду Дырокола, за которой гонялись вот уже вторую неделю. Так что перед финальным этапом нашей погони было необходимо хорошенько подкрепиться. Еще неизвестно, доведется ли нам пообедать, а я не испытывал удовольствия охотиться за негодяями на голодный желудок.

Мы торопились. Но пять минут, потраченные мной на умывание и мытье посуды, нам погоды не делали. Так, по крайней мере, я тогда думал. И думал неправильно. Потому что, пока я ходил к реке и обратно, в нашем маленьком лагере успели произойти судьбоносные перемены.

Вернувшись к машине с вымытыми мисками, ложками и кружками, я обнаружил, что напарник все еще не загасил костерок и не собрал вещички, чем он вроде бы хотел заняться в мое отсутствие. Напротив, то, что он творил, было не упаковкой наших нехитрых пожитков, а их распаковкой. Сидя на коленях у костра, Сашка рвал полиэтиленовый пакет, содержимое которого высыпалось перед ним на землю. И, тем не менее, он продолжал кромсать пакет в клочья, как будто именно это, а не сворачивание лагеря, интересовало его сейчас больше всего.

– Какого черта ты делаешь? – раздраженно спросил я, остановившись позади занятого ерундой товарища. – Опять, что ли, психуешь из-за того, что Дырокол удрал от нас под Бобровкой?

Вместо ответа Сашка сунул себе в зубы обрывок пакета и, рыча, затряс головой – ни дать ни взять хищник, поймавший и треплющий мелкую добычу.

Все это напоминало глупую и неуместную шутку. Вот только капитан Ураганов был не тем человеком, который стал бы валять передо мной дурака. Потомственный офицер в четвертом поколении, он сохранял достоинство, даже играя со своими детьми; жена и дети Сашки проживали неподалеку от Саратова, в фортеции Красный Яр. А выходя на тропу войны и почуяв запах врага, Ураган являл собой прямо-таки воплощение серьезности и целеустремленности. И всегда смотрел на меня – циркача, потомка таких же циркачей, – с неодобрением, когда я, бывало, откалывал ради куража один из своих аренных трюков.

Что же вдруг ни с того ни с сего нашло на Сашку? Тут напрашивался лишь один ответ – самый нежелательный и самый страшный.

Проклятый Зов, сгубивший к этому дню едва ли не половину населения планеты, все же дотянулся до моего напарника. И теперь он, лишенный разума и превращенный в зомби-копателя, начисто забудет обо всем, что еще пять минут назад было для него дороже всего на свете. Забудет и пошагает отсюда напрямиком на северо-запад – в Москву, к Котловану. Туда, куда стремятся все до единого зомби и где сегодня царит такой кромешный ад, который не пригрезился бы в безумных фантазиях самому Иерониму Босху. И любому, кто встанет на пути зомбированного Урагана, грозила скорая и неминуемая расправа.

А первым таким кандидатом на уничтожение – или, вернее, на пожирание живьем, – предстояло стать мне – его другу, соратнику и деловому партнеру.

Вообще-то, будь на то моя воля, я бы не стал мешать Сашке. И отпустил бы его с миром, постаравшись уйти от него как можно незаметнее. Но дело в том, что спастись бегством было поздно. Едва я подал голос, как все внимание Урагана сразу переключилось на меня. А что бывает, когда зомби-копатель замечает вблизи от себя нормального «чисторукого» человека, всем известно. И никаких исключений из правил тут не было, нет и быть не может в принципе.

Отшвырнув растерзанный пакет, новоиспеченный копатель вскочил на ноги и, продолжая утробно рычать, вперил в меня остекленевшие глаза с ненормально расширенными зрачками. Лицо Сашки также ненормально побледнело и сделалось как у трехдневного покойника – пепельно-серым, цвета папиросной бумаги.

Уже по этим двум признакам можно почти безошибочно диагностировать одержимость человека Зовом. Третьей такой особенностью являлись его движения – неестественные, словно бы механические. Они могли быть как дергаными, так и заторможенными, но за их нескладностью всегда скрывалась огромная, смертоносная сила.

В случае с Ураганом зомбирование могло усугубиться тем, что оно не затронуло его отточенные до автоматизма боевые навыки. Такое порой случалось, когда под воздействие Зова попадали настоящие профессионалы своего ремесла, использующие его на уровне инстинктов. И тогда обычный с виду копатель становился гораздо опаснее. Особенно если в своей прошлой жизни он имел дело с оружием, взрывчаткой или огнеопасными веществами.

– Только не профи! – пробормотал я, осторожно развернувшись и попятившись к автомобилю. Посуда в моих руках легонько дребезжала, выдавая охватившее меня нервное напряжение. – Только не профи, мать твою! Только не профи, чтоб тебя!..

Черта с два! Фортуна никогда не считала меня своим любимчиком, что в очередной раз и доказала.

То, что из Сашки получился зомби-профи, было абсолютно предсказуемо – с его-то десантно-штурмовой подготовкой! Я понял это еще до того, как он на меня набросился – по тому, как он весь подобрался перед броском, уподобившись взведенной пружине автоматного затвора. Точно так же он вел себя перед боем со своими прежними врагами. И так он повел себя сейчас, готовясь свернуть мне шею одним сильным и молниеносным движением. Или проломить мне ударом кулака височную кость. Или выдрать кадык, что давалось Урагану с той же легкостью, с какой я срывал с ветки яблоко. А может, он хотел прикончить меня другим смертоносным приемом, которых в его арсенале насчитывалось предостаточно. Это уже не имело для меня значения, так как, повторюсь, в рукопашном бою с Сашкой мои шансы на победу были нулевые.

В данный момент при мне был только нож – жалкий защитный контраргумент против ветерана-десантника, и я не удивлюсь, если в итоге мой же нож воткнется мне же в глотку. Чтобы вооружиться чем-то посерьезнее, мне следовало добежать до автомобиля. В его багажнике хватало огнестрельного добра, способного остановить зомби. А еще на водительском сиденье лежал мой пояс с револьверами, который я держал под рукой всю ночь, но перед завтраком

убрал в машину. Ее и меня разделял всего десяток шагов. Небольшое расстояние, если бы речь шла об обычной драке. И довольно существенное в стычке с копателем-профи. Во время бегства я волей-неволей повернулся к Сашке спиной, а это верная гибель. Вдобавок мне еще надо открыть автомобильную дверцу и вытащить оружие. Это тоже займет считанные секунды, вот только противник не даст мне даже такой малой форы.

Боевая пружина, в которую превратился Ураган, недолго держалась на взводе. И выстрелила, едва помутившийся взор напарника засек движущуюся цель. Мгновение, и копатель устремляется ко мне с животным рыком, при этом взгляд его остается остекленевшим, а лицо – мертвенно-бледным, ничуть не багровея от злобы.

Изо рта Сашки торчит обрывок полиэтилена, похожий на пену, что вылетает из пасти бешеной собаки. Что читает сейчас у меня на лице Сашка, неизвестно, но точно не злость и не ярость. Я все еще растерян и не знаю, как мне поступить. Но жребий брошен, и теперь мне так или иначе придется защищаться, чем бы ни обернулся для меня этот неравный поединок...

От брошенной мною в лицо Урагана железной посуды тот отмахнулся, будто от стаи назойливых мух. Но одна из мисок таки попала ему в лоб и отвлекла от цели. Всего лишь на мгновение, но этого мне хватило, чтобы броситься несущемуся на меня противнику под ноги.

Реакция у профи оказалась на высоте – заметив краем глаза мой маневр, он моментально подпрыгнул. И перескочил бы через меня, если бы я не успел схватить его за лодыжку.

Удержать Сашку у меня, конечно, не получилось, но сбить его с ног вполне удалось. Разогнавшись, он не успел сгруппироваться, чтобы обезопасить падение. И шмякнулся ниц с такой силой, что будь он все еще нормальным человеком, то отшиб бы себе о землю внутренности. Но зомби на мелочи вроде ушибов, вывихов и сотрясений внимания не обращают, а сломать Урагану ногу мне не повезло. Упав, он тут же перевернулся на спину, сделал кувырок назад и, оттолкнувшись руками, снова вскочил на ноги – натуральный ванька-встанька весом в центнер с гаком!

Впрочем, пока он занимался акробатикой, я тоже не сидел... вернее, не лежал сложа руки. Мне не было нужды кувыркаться, поэтому я очутился на ногах раньше противника. После чего воспользовался отыгранной форой и, уронив с головы шляпу, бросился к водительской дверце машины.

Добраться до револьверов можно было быстрее, чем до арсенала в закрытом багажнике. Правда, лишь в теории, поскольку Сашка вновь налетел на меня, когда я ухватился за ручку дверцы. Мне следовало бы развернуться к нему лицом, чтобы не заработать удар в спину, но я все же рискнул и распахнул дверцу. А затем нырнул в кабину, на передние сиденья, отчего вражеский кулак угодил мне не в основание черепа, куда изначально метил Ураган, а промеж лопаток. Что было уже не фатально, но все равно больно, и у меня на миг перехватило дыхание.

Наш «Гранд Чероки» – или Большой Вождь, как мы его любя называли, – был просторной машиной, но не настолько, чтобы устраивать у него в салоне драку. Это понимал даже зомби. Он не стал запрыгивать в джип следом за мной, а ухватил меня за сапоги и потащил наружу. Да так резко, что я едва успел схватить пояс с револьверами и прижать подбородок к груди. Не сделай я последнего, то стукнулся бы затылком о порог кабины, когда мгновением позже вылетел из нее. А так я лишь ударился о землю уже ушибленной спиной, что тоже было не фатально, но по-прежнему чертовски больно. Но как бы то ни было, за время моего короткого падения я выхватил из кобуры один из револьверов – им оказался Бедлам – и взвел боек...

Вот только стрелять, как назло, было не в кого! Не угасшие в Сашке инстинкты подсказали ему, что раз в моих руках появился ствол, то переть на меня врукопашную лучше не стоит. Отпустив мои ноги, он моментально ушел с линии огня: вскочил на капот и, перекатившись по нему, спрыгнул на землю по другую сторону джипа.

Попасть в него, стреляя из лежачего положения, стало невозможно, и мне пришлось срочно менять позицию.

– Да пропади ты пропадом! – выругался я, с кряхтением поднимаясь на ноги. Отбитая спина болела так, что каждое движение давалось мне с трудом. Отчего со стороны я, наверное, и сам напоминал теперь неуклюжего зомби.

Профи действуют на уровне одних лишь инстинктов, а иначе Сашка вспомнил бы, где он тоже может раздобыть оружие. Но капитан напрочь утратил память и логическое мышление. Вместо того чтобы вытащить из багажника дробовик или винтовку, он повел себя как дикий зверь, нарвавшийся на способную дать отпор жертву. То есть сменил прямолинейную тактику на более коварную и осторожную. И когда я, поднявшись с земли, снова хотел взять Урагана на мушку, тот успел скрыться в густых прибрежных кустах.

Свежих следов, примявших траву, в ней не наблюдалось. Не иначе, противник удрал от меня по тропинке, которую мы протоптали, когда ходили в кусты по нужде. Но расстреливать их наугад являлось бессмысленно – Сашки там уже явно не было. Он мог улизнуть оттуда под прикрытием зарослей куда угодно, и ни один сучок не хрустнул бы при этом у него под ботинком.

Мог ли он теперь оставить меня в покое? Да, если я прямо сейчас прыгну в джип и, ударив по газам, умчусь прочь, подальше от этого места. Память у зомби короткая, как ствол ружейного обреза. Они быстро забывают тех, кому повезло от них убежать, и преследуют несостоявшихся жертв лишь до тех пор, пока те не скроются с их глаз. А за оставшимися вещами можно вернуться позже – когда Сашка успокоится и, всецело подчинившись Зову, уйдет отсюда в направлении Москвы.

Ураган являлся тем редким копателем, которого я был готов пощадить, пусть даже он мог натворить немало бед на пути к Котловану. Но лучше я скажу его жене и сыновьям, что он остался жив – хотя бы в таком плачевном виде, – нежели сообщу им куда более трагичную новость. Миллионы людей, чьих близких постигла та же беда, продолжают верить, что однажды Зов умолкнет, и все копатели, очнувшись от наваждения, вернуться домой, к своим семьям. И это в любом случае куда лучше, чем жить вообще безо всякой надежды. Вот и пусть Сашкины родные надеются на чудо, а не уподобляются мне – человеку, знающему, что никакие чудеса уже не вернут ему то, что он когда-то потерял.

Я похлопал себя по карманам, ища ключи от зажигания. Как назло, они остались в куртке, которую я бросил возле костра, когда пошел мыть посуду. Что ж, деваться некуда: без ключей Большого Вождя не завести, а значит, хочешь не хочешь придется за ними вернуться.

Суматошно оглядевшись и не обнаружив подкрадывающегося ко мне двуногого хищника, я подбежал к костру, схватил валявшуюся на земле куртку и сей же

миг рванул обратно к машине.

Вне всяких сомнений, моя беготня была замечена прячущимся в кустах Сашкой. Но револьвер, который я все время держал на виду, должен был отвести его от нападения. Хорошо, что замыкание в мозгах Урагана не убило в нем страх нарваться на пулю. А судя по тому, как шустро он от меня скрылся, можно было предположить, что у меня получится отпугнуть его повторно. Если не демонстрацией взведенного Бедлама, так выстрелом в воздух.

Перебросив револьвер в левую руку, правой я вытащил ключи из кармана куртки и вставил их в замок зажигания. Сам я при этом поостерегся садиться за руль и остался снаружи. Пока «Гранд Чероки» не будет готов тронуться с места, я должен быть ежесекундно готов к отражению атаки, с какой бы стороны она ни последовала. А при стрельбе с водительского сиденья мой сектор обстрела заметно сужался. Да и решетить джип изнутри пулями тоже не хотелось.

Двигатель завелся с первой попытки, и я подумал, что все-таки разойдусь с бедолагой-напарником бескровно, но увы – Сашка имел на сей счет иное мнение.

Не успел я порадоваться урчанию мотора, как позади меня возникла стремительно движущаяся ко мне тень. Если бы она не отразилась в стекле открытой дверцы, сам бы я ее точно не увидел. И не успел бы отреагировать на ее появление. Несмотря на то что я пребывал настороже, Ураган все равно застал меня врасплох. И, выгадав момент, приблизился ко мне так, что еще секунда, и я гарантированно стал бы трупом.

Гвардейского капитана-десантника подвела не выучка – она, как всегда, оказалась на высоте, – а звериная одержимость зомби. Он не смог оставить в покое свою жертву, даже когда нападать на нее стало небезопасно. За что и поплатился, как бы я ни хотел избежать такого конца.

У Сашки были свои защитные инстинкты, а у меня свои. И хоть мы оттачивали их в разное время, в разных местах, в совершенно разных условиях и с разными целями, нынешние смутные времена показали, что и я, и Сашка, сами того не подозревая, неплохо к ним подготовились.

Когда я засек несущуюся ко мне сзади бесшумную смерть, то без малейших колебаний развернулся и выстрелил навскидку. После чего, продолжая давить

пальцем на спусковой крючок Бедлама, еще дважды ударил по собачке бойка правой ладонью, выпустив в противника три пули всего за секунду. Так, как учили меня корифеи американской цирковой школы, где я в свое время отучился три года. Так, как затем я семнадцать лет проделывал это на арене бродячего цирка «Легенды Дикого Запада», колесившего по России вплоть до воцарившегося сначала в ней, а потом и в остальном мире хаоса...

Когда я спустил курок, Ураган находился от меня примерно в восьми шагах. Он уже занес для удара подобранную им в кустах увесистую палку, собираясь разmozжить ею мне череп. Но в итоге сам лишился головы, разнесенной в клочья экспансивными пулями сорок пятого калибра, и рухнул навзничь, вмиг превратившись из зомби-копателя в обычного мертвеца.

Чтобы остановить врага, даже такого живучего, мне хватило бы и одного точного попадания ему в голову. Второй и третий выстрел были сделаны мною лишь потому, что я пребывал на нервах и из опасения промахнуться стрелял навскидку дрожащей рукой.

Не промахнулся...

При взгляде на мертвого и отныне безвредного Урагана я ощутил невероятную усталость и душевное опустошение. И потому где стоял, там и уселся на землю, привалившись спиной к колесу и продолжая держать в руке револьвер.

Вообще-то расслабляться было еще рано, ведь стрельба грозила привлечь сюда других копателей, что могли околачиваться неподалеку. Прежде чем переводить дух, мне требовалось удостовериться, что в округе нет другой опасности. Но я так и не сумел побороть охватившую меня апатию. Слишком неподъемный моральный груз внезапно обрушился мне на плечи. И я всерьез засомневался, что смогу вынести его, не сломавшись под его тяжестью.

В эти суматошные минуты я не задумывался над тем, чем обернется для меня утрата напарника. Не дать себе подохнуть – единственное, что волновало меня, пока я отражал его атаки. Но теперь, когда передо мной замаячила перспектива объясняться с женой Сашки и смотреть в глаза его осиротевших детей, моя победа над ним стала выглядеть совсем в ином свете.

Я поймал себя на мысли, что отчаянно ищущ повод, который позволит мне отвертеться от поездки в Красный Яр в качестве скорбного вестника. Ну да ладно – съезжу, не рассыплюсь. Гораздо неприятнее было другое: что теперь делать с бандой Дырокола, которую мы с Ураганом нанялись уничтожить. Без него один я с этими отморозками вряд ли справлюсь. А на поиски другого напарника (вернее, даже двух, учитывая, какого матерого бойца я только что потерял) уйдет много времени. Так много, что Вован Дырокол успеет натворить новых мерзостей и скроется куда-нибудь за Урал, где ищи-свищи его потом, как вошь на медвежьей шкуре. И тогда все его зверски убитые и изнасилованные жертвы останутся неотомщенными. А я не только лишусь положенной мне награды, но еще и останусь в убытке, ведь не поеду же я к Сашкиной семье с пустыми руками. Мне надо будет обеспечить ее на пару-тройку месяцев продуктами и иными необходимыми вещами, которые при таком раскладе придется взять из собственных, тоже не слишком богатых запасов.

В общем, впору было хвататься от досады за голову... Хотя, если обмозговать дальнейшую стратегию моей охоты с учетом новых обстоятельств, можно проверить ее и в одиночку. Да, это будет трудно, но теоретически такое выполнимо.

Вован Дырокол и его кореша – самые обычные зэки, что сбежали из тюрьмы и, опьянев от свободы, куролесили теперь на полную катушку. Они не строят планов на будущее и не изобретают хитроумных тактик своих действий. Все, что они делают, это катаются по здешним краям и творят беспредел: грабят, убивают и насилюют всех, кто попадает на пути и не может дать отпор. Обычные двуногие шакалы, которых сегодня в России тысячи. И которых нашими с Ураганом стараниями становилось пусть ненамного, но меньше. Так что если за сегодня, пока я занимаюсь похоронами Сашки, меня осенит идея, как загнать Дырокола в западню, можно сказать, что на этом полдела будет сделано.

– Спешите видеть и не говорите потом, что не видели! На арене нашего цирка – великий и неподражаемый Стэнли Квадро, самый виртуозный стрелок Дикого Запада из восточного полушария планеты! – горько усмехнувшись, подытожил я свои раздумья дежурной речью конференсье, что когда-то предваряла мой выход на цирковую арену. – Сегодня вы станете свидетелями того, о чем будете вспоминать до конца своих дней! Двадцать четыре выстрела из четырех револьверов за шесть секунд – и ни одного промаха! Встречайте, дамы и господа – достойный хранитель традиций легендарных стрелков Уайта Эрпа и Дикого Билла Хиккока – Стэнли Квадро и четыре его молниеносные пушки! Ваши

аплодисменты!.. Тьфу!

Я сплюнул, словно хотел избавиться от мерзкого привкуса во рту, пускай воспоминания о прошлом давно не вызывали у меня никаких эмоций: ни светлой грусти по ушедшим денькам, ни желания начисто забыть все то, чем это славное времечко в итоге закончилось...

Глава 2

С чего начинается апокалипсис?

Надо полагать, не с картинки в твоём букваре, а с чего-то жуткого и зловещего: глобального катаклизма, смертоносной пандемии или тотального иссякания каких-нибудь жизненно важных ресурсов. Апокалипсис нынешней земной цивилизации, который длится вот уже четыре года и который давно называют так в прямом, а не в переносном смысле, начался с мелкого и несуразного происшествия. Это потом про него вспомнили и занесли его задним числом в анналы истории. А поначалу тот случай даже не попал в новостные сводки – настолько он был малозначителен на фоне других тогдашних новостей.

И действительно, какой интерес для широкой публики может представлять обычный псих, что одним погожим мартовским днем прорвался в недостроенную часть станции Московского метрополитена «Трубная». Конечно, если бы он кого-то убил или начал выкрикивать провокационные лозунги, о нем непременно сообщили бы в СМИ. Но все, что он натворил – начал, ломая ногти, одержимо скрести руками пол в тоннеле. А когда психа попытались оттуда вывести, он устроил потасовку с рабочими и охраной. Но как бы он ни сопротивлялся, его все равно скрутили и отправили по назначению – в одну из городских психбольниц.

Работники «Трубной» могли бы забыть об инциденте уже на следующий день – чего только не происходит ежедневно в огромном столичном метро! Но, к их удивлению, на завтра в тот же самый тоннель прорвались уже три психа! И все трое также приступили к царапанью пола голыми руками. Причем это была вовсе не одна компания сумасшедших. Каждый из них прибыл туда сам по себе: один утром и двое – после обеда. Всех их, разумеется, тоже отловили и спровадили вслед за вчерашним копателем, однако дело принимало серьезный

оборот. Чем бы ни объяснялось загадочное паломничество безумцев к этому ничем не примечательному месту, впредь подобное было недопустимо. И потому все входы в технические помещения станции были взяты под охрану. Которая также была усилена в вестибюле и на перроне – на всякий случай.

И действительно, повышенные меры предосторожности оказались не напрасны. На протяжении всей ближайшей ночи еще несколько агрессивных безумцев, разбивая двери станции, проникали внутрь и устремлялись к известной лишь им одним цели. Никто из них ее, правда, не достиг, но ситуация уже не лезла ни в какие ворота. Особенно после того, как выяснилось, что атаки психов вовсе не думают прекращаться. Напротив, их интенсивность лишь усилилась, и происходили они теперь едва ли не ежечасно.

Администрация «Трубной» забила тревогу. К месту неординарного ЧП были стянуты наряды полиции и «Скорой помощи». И только теперь в теленовостях и в Интернете вовсю заговорили о странном нашествии психов на отдельно взятую станцию Люблинско-Дмитровской линии метро. А они штурмовали ее уже со всех направлений: как с «Цветного бульвара» – по подземному переходу, – так и со станций «Достоевская» и «Сретенский бульвар». В последних двух случаях атакующие прыгали с перронов на пути и бежали по тоннелю в нужную сторону, подвергая себя смертельному риску и нарушая график движения поездов.

К вечеру третьего дня этого локального безумия начальник метрополитена распорядился полностью закрыть «Трубную».

На четвертый день были закрыты также «Цветной бульвар», «Достоевская» и «Сретенский бульвар». На остальных ближайших станциях были введены беспрецедентные меры безопасности. Так же, как на расположенных на поверхности технических объектах метрополитена – тех, через которые можно было пробраться на заблокированную «Трубную».

А психи все продолжали и продолжали прибывать. Хуже того, к ним присоединился кое-кто из сотрудников метрополитена и дежурящих на станциях полицейских. На их внезапное сумасшествие поначалу не обратили внимания, но когда их застукали скребущими пол в том самом тоннеле, все сразу стало ясно. А вот причина, помутившая рассудок всем этим бедолагам, увы, совершенно не поддавалась объяснению.

Ушлые журналисты быстро выяснили личности упеченных в психушки граждан, счет которых шел уже на десятки. И сразу обнаружили вторую общую для них странность: еще четыре дня назад никто из них не являлся душевнобольным. Даже подозрительных симптомов и тех не проявлял. Редкий копатель – кажется, тогда и вошел в обиход этот термин – ранее обращался к психологу, психиатру или неврологу. А на психиатрическом учете состоял всего один из них, да и тот был лишь безобидным шизофреником. Все копатели являлись обычными гражданами – и коренными москвичами, и приезжими, – не знакомыми друг с другом, представителями разных слоев общества. И если бы не полицейские кордоны, все они в итоге оказались бы там, где был пойман первый псих и куда затем неудержимо влекло его последователей.

Люди сходили с ума совершенно спонтанно и без видимых причин. Один из копателей ехал после работы домой, к семье, но вдруг остановил машину прямо посреди Крымского моста и отправился через полгорода пешком на северо-восток, к «Трубной». Другой гулял в парке с шестимесячным сыном, а потом вдруг напрочь забыл о коляске с ребенком и решительно пошагал в том же направлении. Многие просто покидали службу в разгар рабочего дня. Некоторые из них, кого начальство или коллеги попытались остановить, без разговоров вступали в драку. И дрались с таким остервенением, словно это был для них ни много ни мало вопрос жизни и смерти.

Тема психической московской эпидемии взорвала Интернет. Она быстро и надолго обосновалась на ведущих местах новостных рейтингов и в топах сетевых блогов. Да и с чего бы ей было утратить популярность, если сенсационные новости с «Трубной» приходили ежедневно, а то и ежечасно? В психиатрических больницах Москвы не хватало мест, чтобы принимать больных, которых с каждым днем привозили туда все больше. Довольно скоро их число доросло до критического, что обернулось бунтами и массовыми побегами. Правда, все копатели бежали в одном, легко предсказуемом направлении, где их снова ловили и возвращали в клиники. А впоследствии – в развернутые по всей Москве и Московской области специальные карантинные центры. Там феномен неизвестного науке, прогрессирующего массового психоза взялись изучать светила российской и мировой психиатрии. И не только они, но и эксперты в других медицинских областях, что могли иметь хоть какое-то отношение к возникшей проблеме.

Впрочем, гипотеза о вирусной причине данного заболевания была почти сразу отвергнута. На это не указывал ни один признак, и вирусологи лишь развели

руками. К тому же, если бы маниакальная страсть к раскопкам в метро была заразной, эпидемия распространялась бы очаговым способом, как и любая другая. Чего в Москве вовсе не наблюдалось. И все же кое-какая закономерность там присутствовала. Первые жертвы психоза были охвачены им в непосредственной близости от «Трубной». Но с каждым днем это происходило все дальше и дальше, а спустя десять дней копатели потянулись к ней не только из столицы, но и из пригорода. Затем – из области, а вскоре – и из соседних областей.

Сотни людей с остекленевшими глазами брели напролом к заветной цели, отделенной от них тогда десятками километров. И ладно бы просто брели, никого не трогая, никуда не вторгаясь и не мешая дорожному движению! К несчастью, все происходило с точностью до наоборот, и копатели превратились в серьезную проблему далеко за пределами Москвы. Особенно когда во время пути их одолевал голод. Тогда они уже не останавливались ни перед чем. И разграбления ларьков, магазинов, кафе и ресторанов были лишь самыми безобидными их злодеяниями. Потому что когда психи не могли добраться до обычной еды, они без малейшего зазрения совести прибегали к убийствам и каннибализму. Правда, пока это были лишь единичные случаи. Но по мере увеличения числа зомби такие инциденты фиксировались все чаще.

Кстати, о зомби. С подачи Интернета, где копателей, не мудрствуя лукаво, сразу нарекли этим голливудским прозвищем, в конце концов их стали называть так повсеместно. И никого, даже теледикторов и репортеров, не волновало, что настоящие зомби должны быть прежде всего мертвецами. Не говоря об иных качествах, присущих этому виду нечисти, вроде заразных укусов, после которых покусанный зомби человек вскоре сам превращался в одного из них. После укусов копателей, которые, несмотря ни на что, продолжали оставаться живыми людьми, человек мог заразиться разве что столбняком или СПИДом. Но как бы то ни было, однажды прилипшее к ним вроде бы не самое удачное прозвище так за ними и закрепилось.

Охваченная беспорядками территория в центре Москвы разрасталась словно огромная гноящаяся язва. Трубная площадь, Цветной бульвар, прилегающие к ним участки Бульварного кольца и улицы Неглинной, а также ближайšie кварталы превратились в натуральный театр боевых действий. Копателей стало так много, что они начали сбиваться в стаи и прорываться сквозь заградительные укрепления. Они делали это столь жестоко и упорно, что у полиции и солдат не осталось выбора кроме как стрелять в самых кровожадных

зомби на поражение. Но их не останавливали даже пули! На возводимые у них на пути бетонные и стальные стены копатели отвечали быстро растущей численностью своего воинства. Которое, несмотря на свою неорганизованность, рвалось к единой цели и потому обладало напором, способным сокрушить любые заслоны.

Через три недели работники карантинных центров расписались в своем бессилии и перестали отлавливать копателей в эпицентре беспорядков. Это было разумное и своевременное решение. С некоторых пор на Трубной площади и в ее окрестностях все перевернулось с ног на голову: не санитары охотились на психов, а психи гоняли явившихся по их души санитаров. Зомби были невосприимчивы к слезоточивому газу и холодной воде из водометов, а резиновые пули отскакивали от них, как от стенки горох. К тому же все чаще среди них попадались индивидуумы, обладающие нехарактерной даже для буйных психопатов силой и агрессией. Это были, как правило, молодые копатели крепкого телосложения, которые до своего помешательства активно занимались спортом или тяжелым физическим трудом. Если такая ходячая машина смерти подбиралась к своей жертве на расстояние удара, ту не спасало даже огнестрельное оружие. «Берсерки» – так впоследствии обозвали этих копателей, – продолжали драться, даже заполучив в грудь целый автоматный магазин или потеряв пару конечностей. Да что там – даже лишившись головы, тело берсерка еще какое-то время рвало и метало вокруг себя все, что попадало ему под руку. А окончательно умирало лишь после того, как теряло всю кровь или его разрывало на части.

За нескончаемыми атаками на полицейские укрепления было не сразу замечено, что многие зомби стали заниматься тем, что им запрещали делать, не пуская в метро. А именно – рыть землю голыми руками. При той неистовости, с которой копатели взялись за работу, немудрено, что она начала у них спориться. Когда же на это обратили пристальное внимание, Трубная площадь (которую в Сети уже окрестили Трупной) и бульварные аллеи были покрыты глубокими рывинами. А также кровью тех, кто ковырял асфальт своими изувеченными пальцами. Но для зомби это были сущие пустяки. По крайней мере, в дальнейшем история не знала ни одного копателя, скончавшегося от подобных ран или заражения крови.

Всем наблюдающим за московскими событиями было очевидно: падения полицейских заслонов на Трубной – всего лишь вопрос времени. Причем самого ближайшего.

Так оно и случилось. Ежедневно усиливающийся натиск зомби вынудил защитников станции отступить. Но прежде чем они сдали позиции и эвакуировали последних обитателей близлежащих зданий, все входы на «Трубную» были залиты бетоном. И когда орда безумцев заполонила отданную ей на поругание площадь, а также окрестные кварталы, бульвары и улицы, она наткнулась на внушительный бетонный саркофаг. Его уродливый серый купол возвышался на месте некогда стоявшего там памятника. И этот барьер копатели при всем старании не смогли бы ни своротить, ни разбить, ни тем более процарапать ногтями.

А отступившая полиция сформировала новое кольцо укреплений в радиусе примерно трехсот метров от саркофага. Только оно было сооружено уже с другими целями и являлось, так сказать, односторонне проницаемым. Все рвущиеся к Трубной зомби пропускались через защитный периметр совершенно беспрепятственно. Но если они вдруг решали вырваться обратно – например, в поисках еды, – их либо отлавливали, либо, в случае особо дерзких и опасных прорывов, уничтожали.

Прорывы случались, даже несмотря на то, что копатели не испытывали нехватку в продовольствии. Оно, а также бутылки с водой доставлялись им ежедневно на специальных бронированных грузовиках. Те регулярно въезжали в карантинную зону и сгружали автокранами поддоны, на которых стояли контейнеры с продовольствием. Которое тут же растаскивалось вечно голодными от усердной работы безумцами. И хоть его на первый взгляд хватало на всех, включая новоприбывших, многие зомби все равно не утрачивали желания добыть себе пищу самостоятельно. Что им уже категорически воспрещалось, и ничем хорошим это для них не оборачивалось.

Разумеется, что ни о каком свидании зомби с родственниками не могло быть и речи. Некоторые вконец отчаявшиеся граждане убедились в этом на своем горьком опыте, проникнув за ограждение, дабы увидеться со своими обезумевшими близкими. Увы, ни разу великая сила любви не сокрушила барьер безумия, отделяющий копателей от их психически нормальных жен, детей, родителей, братьев и сестер. Редко кому из этих безутешных родственников посчастливилось убежать от набросившихся на них психов и вернуться обратно целыми и невредимыми. Психи всегда безошибочно определяли в своей среде «чисторуких» чужаков и не питали к ним ни капли жалости или сострадания.

Все благоразумные люди из числа ищущих свою родню довольствовались информацией, которую получали в созданном для них специальном справочном центре. Военные фиксировали на видеокамеры пересекающих периметр копателей и потом устанавливали их личности. А установив, предоставляли их родственникам бесплатные гостиницы, где они могли проживать неограниченное время на полном социальном обеспечении. Само собой, что если зомби не добирался до Трубной, пропадая без вести по дороге к ней, то жилплощадь и бесплатное питание его родне в Москве уже не предоставлялись.

Исчезнувших копателей также насчитывалось немало. Чем дальше они проживали от Москвы, тем длиннее и труднее был их путь к ней. Путь, на котором их поджидали не только естественные преграды – реки, горы, леса и болота, – но и враги: люди, готовые сами защищать себя и свои семьи от агрессивных безумцев. И чем дальше, тем таких людей становилось все больше. Потому что ни армия, ни полиция были не в состоянии взять под охрану каждый дом. А тем более – каждого человека, ведь в группе риска заболеть этой болезнью находились все без исключения граждане, от мала до велика...

Но почему?

Да, это был, пожалуй, самый актуальный на тот момент вопрос! Спустя месяц с начала безумия на Трубной, когда стало понятно, что оно не намерено сходить на нет, паника началась не только в России, но и в Европе. Радиус зоны аномального поражения расширялся, и в Москву уже шли зомби из Санкт-Петербурга, Тамбова, Пензы, Вологды, Воронежа, Курска... И не только оттуда, но и из восточных районов Украины и Беларуси. Что автоматически превращало кризис в международный, ведь копатели не признавали государственных границ и создавали пограничникам уйму трудностей. Нам чужие психи были не нужны – своих хватало с переизбытком. Однако, сбиваясь в стаи, те все чаще прорывались на нашу территорию, что требовало дополнительных мер для их сдерживания. Как от России, так и от ее соседей. На что последние шли не слишком охотно. И предпочитали перекладывать заботу о своих вырвавшихся за кордон невменяемых граждан на ту страну, куда они столь одержимо рвались. Чем избавлялись от необходимости строить у себя карантинные центры и выделять немалые средства на их содержание.

А пока политики спорили и искали виноватого в нетипичной массовой миграции, ученые в поте лица продолжали биться над разгадкой ее природы. Ни на йоту не приблизившись к истине, они возложили свои последние надежды не на

копателей, а на гипотетическую цель, к которой те стремились. Ради чего спустились под землю – в тоннели закрытой станции «Трубная», – прихватив с собой уйму всяческого научно-поискового оборудования.

Царящее наверху безумство ученых не беспокоило, хотя зомби уже содрали вокруг саркофага практически весь асфальт и теперь столь же усердно ковыряли глинистый слой под ним. По ходу работы среди них даже возникло разделение труда: одни копатели углубляли котлован, другие перебрасывали вырытые ими землю и камни к его краю. Наблюдающие за этой вакханалией стражи периметра заметили еще кое-что. Примерно дюжина копателей не желала пачкать руки, а вела себя подобно надсмотрщикам или бригадирам. Вполне возможно, что упорядочивание процесса копки было как раз их заслугой.

Оставалось неясно, как эти начальники управляют своей рабочей силой. Зомби умели издавать звуки, но между ними отсутствовало какое-либо звуковое общение, даже примитивное. Тем не менее перемещающиеся из конца в конец котлована «бригадиры» совершенно точно не были бездельниками. Издали их можно было даже принять за нормальных людей, которых зомби по какой-то причине не замечали и не трогали. Хотя при взгляде на них в бинокли помощнее эта иллюзия моментально пропадала. Остекленевшие глаза, мертвенно-бледная кожа и неестественность движений не оставляли сомнений в том, что «бригадиры» – такие же копатели, как и сотни окружающих их собратьев по несчастью.

Несмотря на то что зомби не прекращали свое круглосуточное рытье, саркофаг над «Трубной» защищал от них работающую на станции научную экспедицию. Которая тоже трудилась день и ночь напролет. Но если копатели, скорее всего, имели представление о цели своих поисков, то ученые вели разведку недр под станцией фактически наугад, понятия не имея, что конкретно они ищут. Тем более что все недра столицы, в особенности под ее центральными районами, были давным-давно прозондированы и картографированы.

Оставался один путь: бурить и опускать геолого-разведочные зонды глубже исследованных ранее горизонтов. Туда, куда до сей поры еще ни одному геологу не удалось заглянуть.

Впрочем, теперь, когда за изысканиями этой команды напряженно следил весь мир, она не испытывала недостатка в финансировании, специалистах и самой современной технике. Поэтому вскоре дорогостоящие лазерные буры

исследователей преодолели глубинный предел, который когда-либо достигали в этих местах буровики. А спустя еще какое-то время они наткнулись на нечто такое, что и вправду стало самым грандиозным археологическим открытием, сделанным в Москве со времен ее основания.

Вот только радоваться этому открытию никому, включая самих ошарашенных открывателей, и в голову не пришло. Наоборот, многие из них были бы рады, если бы оно вообще никогда не свершилось. Ни в Москве, ни в любом другом уголке нашей планеты. Увы, но нельзя было повернуть время вспять и оставить зловещие тайны прошлого покоиться под толщей земли, где они доселе хранились тысячелетиями. И откуда им неведомо почему было суждено наконец-то вырваться...

Глава 3

Многие думают, будто нет сегодня в мире двуногих существ отвратительнее и кровожаднее, чем копатели. И эти люди сильно заблуждаются. Человек, который изуверски насилует женщин и девочек-подростков, а перед тем, как их убить, протыкает им уши, носы и щеки люверсным дыроколом – вот настоящая мерзость, рядом с которой даже зомби-берсерк выглядит почти святым. Ибо последний не виноват в том, что стал таким. Он творит зло неосознанно, повинуюсь лишь животным инстинктам. В то время как звери вроде беглого зэка Вована Дырокола бесчинствуют, находясь в ясном рассудке (настолько ясном, насколько таковым можно считать рассудок махрового садиста), исключительно ради собственного удовольствия.

Являются ли Вован и его подручные психами? Скорее нет, чем да. Они – всего-навсего продукт той гнилой социальной среды, в которой им не повезло родиться, расти и воспитываться. Что, впрочем, не оправдывает чинимое ими беззаконие. Бешеных собак не перевоспитывают – их пристреливают. И язык пуль – единственное средство общения с кончеными отбросами, за чьими головами я сегодня охотился.

Охотился в одиночку, поскольку внезапно превратившийся в зомби мой напарник Сашка Ураган получил от меня три пули в голову и уже сутки как покоился в сырой земле. Его похороны задержали меня у той речушки, дав

преследуемому мной Дыроколу фору еще в несколько часов. Которые, к несчастью, он и его банда провели с максимальной для себя пользой. И пополнили список своих жертв еще пятью несчастными переселенцами, на которых Вован обожал охотиться пуще всего. Почему? Да потому что они являли собой, как правило, чужаков в чужом краю. А значит, с высокой вероятностью здесь никому до них нет дела, и никто не пустится за Дыроколом в погоню по горячим следам с целью отомстить.

Разграбленный «уазик» с прицепом, и пять валяющихся вокруг него трупов...

По всей видимости – муж, жена и трое их разновозрастных детей: юноша лет пятнадцати, мальчонка лет пяти и девочка, которой можно было дать от силы двенадцать-тринадцать...

Все они мертвы – можно даже не проверять. Многочисленные отметины, оставленные на их лицах люверсным дыроколом, служили гарантийной меткой, что здесь не осталось выживших. А разорванная в клочья одежда на женщине и младших детях свидетельствовала о том, что их смерть выдалась отнюдь не скорой и безболезненной.

Эта мрачная, но заурядная по сегодняшним меркам картина предстала моим глазам неподалеку от деревеньки Узюково, что находилась северо-восточнее Тольятти. Если бы не моя вчерашняя задержка, этой трагедии наверняка бы не случилось. Да только кто же тут виноват? Не я и уж точно не Ураган, а, разумеется, Зов – главная и единственная первопричина всех нынешних земных бед. Впрочем, как бы цинично это ни звучало, имелся здесь и свой плюс. По всем признакам (еще теплое кострище, разбросанные повсюду объедки и бутылки из-под выпивки), банда развлекалась со своими жертвами всю ночь напролет. А значит, в данный момент Дырокол находился от меня гораздо ближе, чем я предполагал. После столь лихого загула ублюдкам было необходимо передохнуть и отоспаться, так что далеко они не ушли.

Я снял шляпу, пригладил рукой волосы и осмотрелся. Куда бы я направился отсюда на месте бандитов? Точно не на юг, в сторону Волги. В окрестностях Тольятти полным-полно зомби, и вряд ли там получится спокойно отдохнуть. А вон тот лесок на горизонте для этой цели вполне сгодился бы. Стало быть, его и надо осмотреть в первую очередь.

Оставив несчастное семейство не упокоенным – хорони я всех попадающихся мне на пути мертвецов, то давно надорвался бы от такой неблагодарной работы, – я продолжил путь по полевой дороге на запад. Она имела множество развилок, и мне нужно было глядеть в оба, чтобы не сбиться со следа Дырокола. Он и его банда передвигались на легком грузовике, отпечатки чьих покрышек я хорошо запомнил. И мог отличить их от множества других, хотя на безлюдных проселках таковых попадалось мало.

После утраты напарника мне приходилось еще внимательнее следить за дорогой. А вернее, за теми встречными, кто мог подвернуться мне на пути. Прежде, наткнувшись на копателей, Сашка обычно доставал пулемет, а я жал педаль газа в пол. И добивал тараном-рассекателем джипа тех противников, которых Ураган не успевал скосить пулями. Теперь же, без огневого прикрытия, таран стаи зомби, особенно крупной, был бы слишком рискованным. Те из них, кто не угодит под колеса, могут уцепиться за Большого Вождя и запрыгнуть в салон через окна. Поэтому в местах, где впереди лежащая дорога просматривалась плохо, я сбавлял скорость, дабы в случае чего успеть быстро развернуться и рвануть на попятную. А иногда, когда меня одолевали сильные сомнения, я и вовсе останавливался и выходил из машины. После чего либо прислушивался – стаи зомби не умели передвигаться беззвучно, – либо поднимался на придорожную возвышенность и изучал округу в бинокль.

Это надо было сделать и перед тем, как соваться в лес, на подъезде к которому как раз возвышался холм. Остановив машину так, чтобы холм заслонял ее от глаз вероятных наблюдателей, что могли засечь меня из-за деревьев, я, пригибаясь, взобрался на вершину. Где и залег в траве с биноклем, собираясь хорошенько изучить раскинувшийся передо мной пейзаж – живописный, но наверняка таящий немало опасностей.

Правда, за пять минут слежки я так и не высмотрел ничего подозрительного. Деревья, покачивающие кронами, да пролетающие над ними птицы – вот и все движение, которое мне удалось обнаружить. Хорошо это или плохо? Наверное, хорошо, потому что сталкиваться с копателями сейчас, когда я подобрался совсем близко к Дыроколу, было бы нежелательно.

Решив покинуть наблюдательную позицию, я зачехлил бинокль, как вдруг на выходящей из лесу дороге показались две человеческие фигуры. Меня и их разделяло метров четырехста. Но даже с такого расстояния было заметно, что эти двое сильно торопятся, то и дело переходя с быстрого шага на бег и

обратно. Поскольку обе фигуры двигались неуклюже, я решил, что это – два голодных зомби, преследующие мелкую добычу. Ту, что я не могу рассмотреть в траве – белку, суслика или одичалую кошку. Но, вновь поднеся к глазам бинокль, я понял, что ошибся. Это все-таки оказались не копатели, а обычные люди. Один из них был перепачкан кровью и припадал на левую ногу, чье бедро было перебинтовано наложенной прямо поверх штанины грубой повязкой, тоже успевшей насквозь пропитаться кровью. Второй выглядел менее потрепанным, хотя тоже хромотал. Правда, по иной причине – на нем не было обуви, и долгий бег босиком не пошел его ступням на пользу.

Убегать, растеряв в суматохе оружие и обувь, а также невзирая на раны и истертые в кровь ноги, человек может лишь от одной угрозы: стаи зомби (бандиты давно настигли бы этих двоих на своем грузовике). Поэтому я не усомнился в том, что вскоре увижу и копателей – беглецы драпали слишком медленно, чтобы суметь оторваться от них. Тем не менее время шло, а они так и не появлялись. Что было довольно странно, учитывая, в какой спешке эта парочка ковыляла по дороге.

Но еще страннее это стало выглядеть, когда я разглядел беглецов получше. И понял, что напрасно им сопереживаю. Более того, теперь мои симпатии переметнулись на сторону тех, кто выгнал этих двоих из леса. Выгнал и, как хотелось надеяться, вот-вот их настигнет.

– Ах вы, сукины дети! – процедил я сквозь зубы, разглядев на беглецах тюремные наколки. Очень похожие на те, которые описал мне наниматель, видевший нательную роспись бандюг Дырокола собственными глазами. – Полагаю, один из вас – Юрок-Хлыщ, а второй – Жека Рваные Уши! Отлично, вы-то мне и нужны! Только где же ваши кореша и сам гребаный Дырокол, позвольте полюбопытствовать? Неужто их сожрали зомби и мне можно идти открывать по такому случаю шампанское?

Озвученная мной самому себе версия выглядела правдоподобно. Если банда Вована и в самом деле напоролась на копателей и не сумела дать им отпор, двое из семи бандитов могли под шумок задать деру, пока зомби пожирали их приятелей. Так оно было или нет, но насчет шампанского я, конечно, преувеличил. Пока я не удостоверюсь, что Дырокол мертв, и не добуду доказательство его смерти (голова, кусок кожи с бандитской татуировкой либо драгоценности, которые он отобрал у убитых им родственников нанимателя), мне рано праздновать победу.

А где я могу разузнать последние новости о судьбе Вована? Ну, разумеется, у тех его подручных, что спешили сейчас мне навстречу!

Они растеряли не все свое оружие. Когда босоногий Жека Рваные Уши оглянулся в сторону леса, я заметил у него револьвер, засунутый сзади за ремень. Возможно, что револьвер или пистолет был и у хромоного Юрка – носимая им навывпуск рубаха не позволяла определить это издали. Но, судя по торчащим из-под ее полы большим ножам, Хлыщ тоже убегал не с голыми руками. Несмотря на потрепанный вид обоих бандитов, мне не стоило недооценивать их как противников. Поэтому я не полезу на рожон, а сделаю все возможное, чтобы наша неминуемая встреча огорчила лишь их, но не меня.

Пока я спущусь с холма, они наверняка успеют заметить Большого Вождя. И насторожатся. А значит, с возвращением к машине придется повременить. Поступлю иначе: не стану омрачать мерзавцам радость, которую они испытают при виде автомобиля, и позволю им к нему приблизиться.

Сбежав вниз по противоположному от дороги склону холма, я обогнул его таким образом, чтобы он заслонял меня от противника. И чтобы, когда бандиты надумают осмотреть брошенный джип, я смог объявиться позади них. Поначалу они, конечно, начнут озираться, ища хозяина машины с еще не остывшим мотором. Но поскольку хозяин не встретил их выстрелами и вообще не давал о себе знать, Юрок и Жека решат, что он попросту испугался и схоронился от незнакомцев в траве где-то неподалеку. После чего они осмелеют и ослабят бдительность. Что мне, собственно, от них и требовалось.

Огибая холм, я на какое-то время выпустил эту парочку из виду. А когда вновь увидел ее, высунувшись украдкой из придорожных кустов, она как раз приближалась к Большому Вождю с оружием на изготовку. Я был прав: у Юрка также оказался при себе пистолет, который он не потерял в суматохе бегства. И который он, как и Жека, без колебаний пустит в ход, если хозяин автомобиля рискнет показаться бандитам на глаза.

Я не мог допустить, чтобы они забрались в автомобиль. Потому что тогда мне придется стрелять в них через лобовое стекло, а дырявить его мне не хотелось. Вдобавок, когда бандиты не найдут в замке ключи от зажигания, они наверняка попытаются запустить двигатель с помощью ножа, раскурочив при этом замок или повредив проводку. Короче говоря, если я не желаю Большому Вождю зла –

а я, естественно, этого не желал, – мне придется позаботиться о том, чтобы он не пострадал в моих разборках с подручными Дырокола.

Не опуская оружия, парочка разошлась. Рваные Уши направился вдоль правого борта машины, а Хлыщ – вдоль левого. Оба продолжали на ходу о чем-то переговариваться – очевидно, выражали удовольствие от столь ценной и, главное, своевременной находки.

При мне были все четыре револьвера. Хаос и Бедлам, как всегда, находились в набедренных кобурах. Террор и Фатум – в тех, что крепились к ремню за спиной крест-накрест – затем чтобы максимально упростить быстрое выхватывание второй пары стволов. В прошлом это помогало мне при исполнении на арене моего коронного трюка «24 выстрела из 4 револьверов за 6 секунд!». Теперь я ходил, обвешанный ими, всего лишь по привычке. А она у старого циркача вроде меня являлась не просто блажью, а практически вторым инстинктом самосохранения. И если любой другой наемный стрелок никогда не выбрал бы себе в качестве основного оружия револьвер, со мной все обстояло с точностью до наоборот. И все потому что в моих руках – руках профессионального револьверного трюкача и жонглера – тот был намного скорострельнее и смертоноснее полуавтоматического пистолета. А на короткой дистанции – метче и безотказнее любого пистолета-пулемета или автомата.

А что вы хотели? Двадцать лет усердных, практически ежедневных тренировок, свыше двух миллионов выпущенных пуль и несколько десятков изношенных револьверов – это вам не шутки. И хоть не всегда эти пули были свинцовыми (на арене и на тренировках наш брат-трюкач использует безопасные восковые пули с добавлением особого защитного компонента, дабы воск не плавился при выстреле), долгая и регулярная практика не прошла для меня даром.

Любопытный парадокс: в наши дни большинство не затронутых Зовом людей стреляло из огнестрельного оружия гораздо чаще, нежели в былые, спокойные времена. А вот я, напротив, делал это сегодня значительно реже. И потому, что патроны теперь ценились слишком дорого, чтобы транжирить их на неживые мишени, и из-за того, что мне стало попросту некогда тренироваться. Да и незачем. Нынешняя работа не требовала от меня сложных трюков и сверхскоростной пальбы по целям. Но как бы то ни было, она позволяла мне оставаться в форме и периодически доказывать, что гуляющие обо мне слухи не лгут.

Доходили ли эти слухи до ушей бандита Жеки Рваные Уши, мне неизвестно. Но если доходили и он в них верил, надеюсь, я его не разочаровал. Впрочем, после того как Хаос вышиб и разбросал по дороге его невеликие мозги, это перестало иметь для Жеки значение. Выскочив из кустов в пятнадцати шагах от джипа, я без лишних разговоров сократил количество своих противников до одного. А поскольку мне было без разницы, кого из них допрашивать, так вышло, что первым под мой выстрел угодил именно Рваные Уши.

Хлыщ уже был ранен в ногу. Но поскольку это не мешало ему бегать и размахивать пистолетом, его следовало наградить дополнительной пулей в руку. Для страховки. И для облегчения допроса – редко кто из моих врагов играл со мной в молчанку, когда я бередил ему свежую пулевую рану горячим револьверным дулом. И быть бы Юрку подстреленным сразу после Жеки, кабы не досадное недоразумение. В смысле, досадное для меня, а не для Хлыща, которому оно чудом помогло увернуться от пули.

Жека и Юрок заметили меня почти одновременно, но отреагировали по-разному. Первый вскинул револьвер и хотел выстрелить, только я его опередил. Второй, видимо, вздрогнул от неожиданности и отпрянул от автомобиля. Но резкое движение заставило его раненую ногу подкоситься, отчего Хлыщ утратил равновесие и, взмахнув руками, шмякнулся на дорогу. Моя пуля опоздала всего на долю секунды. И вместо того, чтобы прошить Юрку плечо, она пронеслась мимо, не задев его.

Делать третий выстрел из этой же позиции было бессмысленно – «Гранд Чероки» полностью заслонил от меня упавшего Хлыща. Пригнувшись, я перебежал через дорогу, чтобы успеть всадить в него пулю прежде, чем он начнет отстреливаться. Но меня ожидало повторное разочарование. Юрок не стал разлеживаться там, где он упал, а сразу же скатился в кювет. После чего с поразительной для раненого шустростью пополз на четвереньках в поле. И лишь колышущаяся над ним высокая трава выдавала сейчас его местонахождение.

Стрелять наугад в траву тоже являлось неразумно. Хлыщ интересовал меня живым и способным вести конструктивный разговор. Поэтому я должен был сначала увидеть его и лишь затем подранить, не задев жизненно важных частей его тела. Пришлось волей-неволей пускаться за Юрком в погоню. Разумеется, ни на миг не забывая об осторожности. Упав возле машины, он не выронил пистолет, а значит, тот все еще был у него в руке.

Трусоватый бандит полагал, что стоит ему выпрямиться, и его неминуемо постигнет участь кореша, вот и предпочитал такой способ бегства. Я следовал за ним, пригнувшись и ориентируясь на колышущуюся траву. Но еще до того, как я разглядел в ней задницу улепетывающего Юрка, эта трава неожиданно взяла и перестала колыхаться.

– Дьявол! – чертыхнулся я и плюхнулся на живот. Почему Хлыщ остановился, было совершенно очевидно. Быстро ползти на четвереньках и одновременно отстреливаться являлось несподручно, а тем более для раненого. Вот он и решил задержаться, чтобы послать мне навстречу несколько пуль – авось да удастся сделать то, что не удалось Жеке.

И впрямь удалось бы, не смекни я, в чем дело, и не упали ничком в траву. Испуганный Юрок разрядил в моем направлении целый магазин своего восьмизарядного «ПМ». После чего, судя по донесшимся до меня характерным звукам и брани, взялся перезаряжать оружие, явно желая продолжить стрельбу.

Хлыщ палил не целясь и довольно высоко, но парочка пуль все равно едва не сбита с меня шляпу. А значит, не исключено, что следующие его выстрелы окажутся удачнее и продырявят мне не только ее, но и голову. Но если с порчей шляпы я смирюсь и найду себе новую, то запасную голову мне взять уже негде. Поэтому, Юрок, извини и не обессудь на меня за то, что на твой свинцовый привет ты получишь точно такой же ответ.

Лежа в густой траве, я видел лишь вспышку стреляющего в меня «ПМ», но не самого стрелка. Повисшее над тем местом облачко порохового дыма и стало для меня ориентиром, на который я навел ствол Хаоса. Если повезет, то я попаду, куда изначально хотел: в руку или плечо Хлыща. Если не повезет...

И брань, и возня, с какой Юрок перезаряжал оружие, прекратились после первого же моего ответного выстрела. Вместо них до меня стали долетать громкие хрипы и булькающие звуки. Настолько красноречивые, что можно было даже не проверять – я и так знал, что подстрелил Хлыща. Вот только это смертельное попадание во врага считалось не удачей, а, наоборот, грубым просчетом. Однако, пока бандит не отбросил копыта, он еще мог мне что-нибудь выболтать. А не захочет – я сделаю так, что его отход в мир иной станет намного мучительнее, чем сейчас.

Револьверная пуля пробила Хлыщу грудь рядом с сердцем и, продырявив легкое, застряла в лопатке. Я понял это, не обнаружив под своей жертвой лужи крови, что непременно натекла бы из выходного отверстия в спине, имейся оно там. Шансов на выживание у Юрка не было никаких. Кровь лилась у него изо рта, а сам он часто и хрипло дышал, трясся в агонии и сучил конечностями по земле.

М-да, облом... Такой без пяти минут труп хоть пытай, хоть не пытай – ему уже все равно. Но в мутнеющем взоре бандита теплилась жизнь, и, вероятно, он еще мог связать несколько слов.

– Где Дырокол?! Кто на вас напал?! – схватив умирающего за грудки, спросил я. Громко и четко – так, чтобы до него дошел смысл моих слов. И для пущей доходчивости встряхнул его. Грубо, но не настолько, чтобы до срока вытрясти из него последний дух.

Хлыщ закашлялся, обдав меня вылетевшими у него изо рта кровавыми брызгами, но, вопреки моим ожиданиям, снизошел-таки до ответа.

– Тыв... варь! – не сказал, а скорее, выхаркнул Юрок вместе с кровью. – Пзырн!.. Кырс!.. Вылк!.. Крыс!.. Волк!.. Акх-х-р-р!.. – И, прокашлявшись, повторил гораздо отчетливее: – Крысиный... волк! Позорная... ссученная тварь! В натуре... падаль конченная!.. Валит всех... без разбору, сука! Акх-х-р-р!..

И, закатив глаза, изверг из горла последний булькающий звук. После чего обмяк и запрокинул голову назад, так и оставив рот открытым.

– Крысиный волк? Это еще что за чудище такое? – переспросил я, хотя видел, что испутивший дух Хлыщ мне уже не ответит.

Бросив покойника на землю, я обшарил у него карманы, надеясь, что это прольет свет на заданную мне им предсмертную загадку.

Никаких зацепок. В карманах бандита было шаром покати, если не считать обычного сора.

Тогда я разрезал ножом повязку и распорол брючину на раненой ноге Хлыща. Как знать, возможно, характер ранения скажет мне о том, кто и чем его нанес?

Бандитская ляжка была продырявлена не пулей, как я думал, а двумя крупными ружейными картечинами. Судя по всему, этот выстрел предназначался не Юрку, которого зацепило лишь краем разлетевшегося дробового снопа. Что опять-таки ничего не объясняло. В Юрка могли с равным успехом попасть и враги, и свои, когда банда отстреливалась в суматохе от накинувшихся на нее зомби.

Осмотр тела Жеки дал мне еще меньше полезной информации. У него в карманах обнаружили сигареты, зажигалка и мешочек с тремя золотыми кольцами и двумя парами сережек, возможно, снятыми с последних жертв Дырокола. Но к той задаче, которую я решал в настоящий момент, все это не имело отношения.

– Крысиный волк, стало быть... – задумчиво повторил я, стряхивая со шляпы налипшие к ней сухие травинки. – И что ты, паскудник, хотел мне этим сказать?

Я вновь обвел взглядом опушку леса, откуда выбежали Юрок и Жека. Там по-прежнему царило безмолвие и не наблюдалось никаких волков. Ни крысиных, ни обычных, которые также за последние годы расплодились, осмелели и местами являлись такой же напастью, как зомби.

Ну ладно, так тому и быть – отправлюсь дальше и сам разведу, что почем. Какая бы зараза ни поджидала меня за теми деревьями, у Дырокола в любом случае стало двумя подручными меньше. Это благоприятствовало выполнению моей работы, бросать которую сейчас было и подавно негоже. Особенно когда некий крысиный волк грозил сожрать банду – или ее останки – и лишит меня трофеев, необходимых для получения награды за ее уничтожение...

Глава 4

Эволюция зомби, которой они подверглись за время своего существования на планете, разделила их на несколько видов. Но о копателе, которого называли бы «крысиным волком», мне слышать не доводилось. Хотя о самих так называемых «крысиных волках» я слышал и не однажды. Вот только вживую их не видел, поэтому и не могу утверждать, существуют ли они на самом деле.

Ходят слухи, что если закрыть в железной бочке десятка два крыс, они с голодухи начнут пожирать друг друга. И когда в конце концов там останется последняя крыса, она якобы больше не захочет питаться ничем иным, кроме как мясом своих сородичей. Поэтому, если выпустить такую крысу – того самого «крысиного волка» – на свободу, она тут же начнет охоту на других крыс. И будет убивать их до тех пор, пока не изведет в округе всех особей своего вида. Или пока они не сообразят, что к чему, и совместными усилиями не разорвут ренегата-каннибала на части.

Разумеется, Юрок боялся вовсе не такого крысиного волка, которого он при необходимости смог бы раздавить каблуком. И не зомби. Да, с голодухи они часто пожирали друг друга, но сделать из них «зомбячьего волка», к примеру, заперев их надолго в тесной комнате, было невозможно. Поведение пережившего такой эксперимент копателя ничем не отличалось бы от поведения прошедшего через это же испытание обычного человека. Вновь обретя свободу, они отправились бы на поиски привычной пищи. А к каннибализму вернулись бы только в крайнем, безвыходном случае.

Я терялся в догадках, кому была адресована предсмертная брань Хлыща. Хотя, говоря начистоту, мне не хотелось бы столкнуться с этим монстром, кем бы он ни был. Но, как говорится, волков бояться – в лес не ходить. А бояться входить... вернее, въезжать в лес, держа под рукой взведенные револьверы и пушки помощнее – пулемет «хеклер-кох 221» и четырехзарядный 40-мм гранатомет «ГМ-94», – было бы для меня тем паче несолидно.

Следы бандитского грузовика привели меня к очередному холму. Он был со всех сторон окружен лесом, но на его склонах росли лишь трава да мелкий кустарник. Дорога, на которую я свернул на очередной развилке, не огибала холм, а вела на его вершину – к вышке сотовой связи, что там находилась. Грузовик поднялся туда же, и вскоре я смог его разглядеть. Он стоял за вышкой, а чуть дальше за ней имелось небольшое строение – щитовой домик. Судя по установленному вокруг оборудованию, это была метеостанция – видимо, соседство с вышкой связистов не мешало дежурившим на ней в свое время метеорологам.

Я чертыхнулся: мне не забраться туда незамеченным ни на джипе, ни пешком. Если Дырокол и его люди все еще живы, они наверняка следят за подступами к холму и его склонами. Если же бандиты мертвы, мне надо в этом сначала убедиться. Но как разглядеть с подножия холма тела, валяющиеся на его

вершине? Хотя, возможно, я смогу заметить того, кто их убил. В том случае, если он не заметит меня первым и не спрячется так, что я не смогу его обнаружить.

Не выходя из-под сени деревьев, я дотошно осмотрел в бинокль вышку и метеостанцию. Пребывая в дурном настроении, я тем не менее слегка воспрянул духом, когда заметил там кое-что любопытное. К одной из нижних перемычек вышки были подвешены за связанные в запястьях руки три человека. Кто они такие – зомби, бандиты или кто-то еще, – снизу рассмотреть не удавалось. Все они были привязаны к северной стороне опоры, спинами ко мне, а я глядел на холм с юга. Дорога также шла по его южному склону. Поэтому, если я отважусь подняться по ней, лица этих людей откроются мне лишь тогда, когда я окажусь на вершине.

Пока я изучал в бинокль висящие на перекладине фигуры, ни одна из них не пошевелилась. Если это зомби, значит, они висят там очень давно. Копатели обладают феноменальной живучестью. Угодив в такую ловушку, они могут трепыхаться неделями, прежде чем умрут от истощения. Разве только кто-то – возможно, те же бандиты – не упражнялись в стрельбе или метании ножей, используя пойманных копателей в качестве мишеней.

Если это были обычные люди, все складывалось еще интереснее. Не встретить я по дороге Юрка и Жеку, то не усомнился бы, что гляжу сейчас на пленников Дырокола, которых он подверг пыткам. Но убежавшая со всех ног бандитская парочка наводила меня на другую мысль: к вышке были привязаны сами бандиты. Те, что в отличие от Хлыща и Рваных Ушей не успели сбежать от «крысиного волка» и были им пойманы. Кстати, темные пятна, что виднелись на спинах этих неудачников, могли оказаться не грязью или синяками, а воровскими татуировками.

Мои часы показывали полдесятого утра. Дождаться ночи – самого безопасного времени для восхождения на холм – было слишком долго. Да и отсиживаясь в лесу, я подвергал себя не меньшему риску. В этих краях, рядом с Волгой, встречалось множество бредущих с востока на запад зомби. Большинство из них пускалось через реку вплавь. Но иногда среди них попадались профи-строители и поводыри. Первые брались за сооружение примитивных плотов, вторые сгоняли к этим плотам пассажиров. Вот почему в прибрежных районах, где безумным паломникам приходилось волей-неволей делать остановку, их скапливалось значительно больше, чем в других местах. И пусть сейчас я их здесь не наблюдал, наверняка в течение дня через лес пройдет не одна стая

копателей. А среди деревьев и кустов они могут подобраться ко мне слишком близко, прежде чем я их замечу. И мне сильно повезет, если их окажется полдесятка, а не полсотни или даже сотня.

В общем, куда ни кинь, везде есть угроза нарваться на крупные неприятности. Но в стычке с бандитами я хотя бы знаю, что они не попрут на меня толпой, игнорируя летящие в них пули. Так что стоит рискнуть и въехать на гору, воспользовавшись фактором внезапности. В любом случае мое внезапное появление там, где меня не ждут, вызовет какую-нибудь активность. И враги, что, вероятно, пока скрываются от моих глаз, занервничают, забегают и рассекретят себя. Ну а я в случае чрезмерной опасности ударю по тормозам, развернусь и, усмирив гордость, удеру обратно в клубах пыли.

Да, хреново работать без напарника, что ни говори. Опытный в «разведывательно-штурмовых» делах Сашка стопроцентно предложил бы мне сейчас грамотный тактический план. Который мы на пару с ним аккуратно, без лишней суеты осуществили бы. Проворачивать же такие дела в одиночку было той еще морокой, и мне приходилось выкручиваться по мере своих сил и возможностей.

Взобраться на холм для Большого Вождя не составило труда. Поддав газу, я быстро достиг вершины, не встретив никакого огневого сопротивления. За двигатель и радиатор я не волновался. Их защищали усиленные броневыми щитами капот и таран-рассекатель. Эти штуковины были непробиваемы для pistolетных и ружейных пуль, а также выдерживали касательные попадания винтовочных. А вот лобовое стекло джипа являлось самым обычным. И пока он вез меня в гору, я сидел за рулем пригнувшись. И уповал на то, что среди беглых зэков не отыщется снайперов. По крайней мере, прошедшие всю свою жизнь в тюрьмах Дырокол и его подручные уж точно не были асами в стрельбе, особенно по движущимся целям.

Никто в меня так и не выстрелил и не показался мне на глаза. Въехав на территорию метеостанции – вышка была построена здесь явно позже, – я сразу развернул джип на сто восемьдесят градусов, чтобы в случае чего быстро задать деру. Хотя, если бы кто-то и вправду желал меня подстрелить, он сделал бы это еще на склоне. Как бы то ни было, но я продолжал соблюдать осторожность. И, покинув кабину, занял такую позицию, чтобы джип загоразживал меня от вероятного противника. После чего снова внимательно осмотрелся. Только на сей раз без бинокля, поскольку отсюда вершина холма просматривалась уже

целиком.

При моем появлении привязанные к вышке люди задержались и стали пытаться рассмотреть, кто это сюда пожаловал. Не будь их рты заклеены скотчем, наверняка они стали бы кричать. Только проку от их криков все равно бы не было. Теперь я отчетливо видел, кто они такие. И не стал освобождать бы их, даже если бы они слезно умоляли меня об этом.

Впрочем, Вован Дырокол, Леха Чалый – его я опознал по приметной седой пряди в его растрепанных черных вихрах – и Мотя Дрищ никогда бы не опустили до слез и мольбы. При всей их гнусности и аморальности они придерживались своего воровского кодекса чести, так как продолжали считать себя блатными. По крайней мере, друг перед другом они точно не стали бы выказывать страх и неуверенность.

Еще одного их кореша, однорукого калеку Яшку Клешню, я нашел возле постройки. Он не был связан, но лишь потому, что лежал на земле с наполовину снесенным черепом, а мертвецы, как известно, не умеют воскресать даже в эпоху зомби. Вторая половина Яшкиной башки была разбрызгана по стене, которую также испещряли дыры от ружейной картечи. Кровь на желтой облицовке домика успела побуреть и запечься – свидетельство того, что Клешня проиграл свой последний бой как минимум пару часов назад. Тогда же, очевидно, были связаны и развешаны «на просушку» Дырокол, Чалый и Дрищ.

Последнего члена их шайки, Стасика Балабаса, я нигде не обнаружил. Ни живым, ни мертвым. Но если он все-таки был жив, то вряд ли находился где-то здесь. В этом случае везунчик Стасик должен был драпать отсюда по примеру Хлыща и Рваных Ушей. Только в другом направлении, раз уж я не встретил его на дороге.

– Так-так! Вот это, я понимаю, расклад: джокер и два туза сразу в одной руке! – произнес я, рискнув наконец-то выйти из-за машины. Говорил я громко – так, чтобы выжившие бандиты меня слышали. – Неплохо сработано, пропади я пропадом! Вот только где они, эти герои, перед которыми я должен снять шляпу?!

Возможно, герои тоже меня слышали, но они предпочли не отзываться и остались в своем укрытии. Зато Дырокол и его соседи по «вешалке» начали

дружно мычать заклеенными ртами и выразительно вращать глазами.

Общаться с ними мне не хотелось. Но что поделаешь, если ни с кем другим здесь было не поговорить.

– Слышь, братан, – обратился ко мне Дырокол, едва я отлепил с его губ полоску скотча, – ты это... нас с кем-то попутал! Я и мои кореша – честные бродяги, вот те крест! Та паскуда, которую ты ищешь – это все ее рук дело! Слышь, ты это... давай без понтов, лады? Лучше развяжи нас, а то крыса, которая нас тут закуканила, где-то поблизости ползает. Того и гляди, вернется, а у нее тоже есть ствол! Да ты сам видишь, как она нашего братана наглухо порешила!

И Вован указал кивком на распластавшегося неподалеку, практически обезглавленного Яшку Клешню.

– Да будет тебе, Дырокол, прикидываться честным бродягой, – отмахнулся я, держа все же руку на рукоятке револьвера. – Я отлично знаю, кто ты такой и с какой цирковой программой здесь гастролируешь. Чтобы между нами не было недопонимания, скажу тебе откровенно: когда ты связан, твоя голова оценивается намного больше, чем когда ты бегаешь на свободе. Так что не мечтай – я свою выгоду упускать не намерен.

– А-а-а, так вот что ты за гость! – презрительно скривился Вован. – Ты – тот самый борзый мокрушник в шляпе, что дядю Борю завалил ни за хрен собачий!

– Если ты имеешь в виду старого пердуна, который с ватагой дерзких малолеток разорял фермы в окрестностях Саратова, то да – он погиб от моей руки, – не стал я этого отрицать. – Только погиб твой дядя Боря исключительно по своей глупости. Он, как и ты, тоже был обо мне наслышан. И знал, что выиграть у меня в игре «Кто быстрее достанет из кобуры пушку» у него нет ни единого шанса. Так что извини, Дырокол: твоя претензия насчет дядюшки, или кем он там тебе приходился, не принимается. И вообще, некогда мне тут с тобой лясы точить. Тебя уже давно заждались в одном обиженном тобой поселке. И раз уж ты попался мне живьем, я не стану переводить на тебя пулю, а доставлю тебя клиентам в наилучшем виде, румяного и не протухшего. Такого, что еще сможет орать, когда они посадят тебя на кол.

Вместо ответа Дырокол вдруг нервозно сглотнул и, набычившись, уставился полными ненависти глазами куда-то мне за спину. На его скулах заиграли желваки, но он при этом не проронил ни слова, что было на него вовсе не похоже.

– Не так быстро, ковбой! – раздался позади меня голос. Настолько грубый, что можно было подумать, будто ко мне обратился обученный говорить медведь. – Нехило ты, смотрю, губу раскатал! И с какого перепугу я должен дарить тебе отбросы, которые сам могу вышвырнуть на помойку?

– Ковбой?! – переспросил я не оборачиваясь. То, что этот человек не станет в меня стрелять, если я не дам ему такой повод, было очевидно. А иначе он уже прикончил бы меня безо всякого повода и ненужной болтовни. – Где ты тут видишь ковбоя, приятель? Разве я пригнал с собой коровье стадо или прискакал сюда на испачканной навозом лошади?

– Где ты тут видишь приятеля, ковбой? – прорычал в ответ человек-медведь, хотя его беспардонность была понятна и простительна. И я бы на его месте возмутился, осмелюсь какой-нибудь наглец заявить права на мои охотничьи трофеи.

– Где вижу? Да прямо позади меня, – ответил я, медленно оборачиваясь. – Подумал, что раз мы с тобой стреляем в одних и тех же убудков, то наверняка можем...

И прикусил язык, увидев наконец того, с кем говорю.

Воистину, тут было с чего утратить дар речи! Уже по голосу становилось понятно, что меня держит на прицеле человек внушительных габаритов. Но когда я взглянул на него воочию, сразу выяснилось, что мои прогнозы были явно занижены. Сам я тоже отнюдь не низкорослый – скорее, умеренно высокий, – но этот тип обгонял меня в росте на целую голову. Да и в ширине плеч превосходил изрядно. Отчего даже громоздкий полуавтоматический карабин «Вепрь-Молот» двенадцатого калибра смотрелся в его ручищах словно игрушка.

Я бы дал громиле на вид лет тридцать, однако в действительности он мог быть и старше, и моложе. Определить его возраст наверняка не позволяло его жутковатое лицо. Я повидал множество изуродованных шрамами лиц, но такое

видел впервые. Шрамов на физиономии громилы было так много, что они сливались в одну сплошную сетку, покрывающую ему щеки, скулы, лоб и частично – нос. Было очевидно, что он заполучил их не в бою и не упав спяну мордой в битое стекло. Такие отметины могли возникнуть лишь в процессе жестокого истязания или пытки. В их взаиморасположении даже наблюдался некий порядок, хотя наносили их далеко не с хирургической аккуратностью.

Первое сравнение, что пришло мне на ум при взгляде на это изобилие шрамов – из-за них кожа на загорелом лице громилы напоминала шкурку ананаса. Такое же сравнение явно приходило на ум и самому громиле. А иначе как объяснить, что он соорудил себе на макушке прическу, напоминающую пучок листьев, торчащих из этого фрукта? Если бы не нацеленный на меня «Вепрь», желание его хозяина придать себе сходство с ананасом вызвало бы у меня улыбку. Самоирония – хорошая и о многом говорящая черта характера. А самоирония в адрес собственного уродства свидетельствует о том, что этот парень являлся оптимистом по жизни. И не особо переживал насчет издевательств, которым он был когда-то подвергнут.

– Ну, чего заткнулся, ковбой? Пытаешься выдумать про меня какую-нибудь шутку? – поинтересовался ананасообразный человек, без труда прочтя мои мысли. Что, впрочем, было не так уж сложно. – Ну давай, выкладывай – посмеемся вместе!

– Я бы с радостью, только боюсь показаться неоригинальным, как и ты со своим «ковбоем», – ответил я. – К тому же я не имею привычки смеяться над людьми, что в одиночку вяжут целую банду. Ну, или не целую, если быть точным – троих бандитов ты все-таки упустил.

– Двоих, – поправил меня мордоворот. – Тот, кого эти твари называли Балабасом, валяется вон там. – Он кивнул на брешь в огораживающем метеостанцию невысоком заборчике.

Действительно, прямо в дыре лежало тело последнего дырокольца, которого можно было разглядеть в высокой траве, лишь хорошенько приглядевшись. Да и сама дыра, кажется, образовалась по вине Стасика. Удирая от двуногого хищника с дробовиком, Балабас получил в спину заряд картечи и, упав на хлипкий заборчик, проломил его. После чего так и остался валяться и истекать кровью в его обломках.

– Отлично: вот теперь все в сборе, – удовлетворенно заключил я и пояснил: – Насчет сбежавших Юрка и Жеки тоже можешь не беспокоиться. Я встретил их в паре километров отсюда, и мы не сошлись во мнении по поводу того, кому из нас жить, а кому умирать.

– Эй, протри-ка зенки: разве похоже, будто меня что-то беспокоит? – огрызнулся громила. – Или хочешь, чтобы я сказал тебе спасибо за эту пустяковую услугу? Ну, спасибо, раз такое дело! Доволен? А теперь будь добр, сделай мне еще одно одолжение – проваливай отсюда, пока мы по-настоящему не разругались.

– По-моему, из нас двоих ворчишь только ты, а я веду себя исключительно любезно, – напомнил я. – Да убери ружье-то, а то негоже вести деловой разговор, размахивая друг перед другом пушками.

– А разве нам с тобой есть что обсуждать? И что значит – «друг перед другом»? Ты что, ковбой, ослеп: это я держу тебя на мушке. А ты стоишь передо мной и треплешь языком вместо того, чтобы свалить отсюда подобру-поздорову, пока я добрый.

– Вышиби ему мозги, Квадро! – подал голос отмалчивавшийся до сей поры Дырокол. – Тебе же это раз плюнуть, хренов мокрушник! Не хочешь меня отпускать, так выполни хотя бы последнюю просьбу приговоренного к смерти! Убей «крысиного волка», и – век мне воли не видать! – я замолвлю за тебя словечко в аду перед дьяволом!

– Квадро?! – переспросил громила, недоверчиво прищурившись. – Так ты, ковбой, и есть тот самый Квадро, о котором болтают в здешних краях? А неплохо ты болтаешь по-русски для американца.

– Разумеется, неплохо, – усмехнулся я, – ведь я родился неподалеку от этих мест. И вообще, никакой я не американец, если на то пошло, а русский. Ну, разве что еще самую малость татарин и еврей, но для русского это вполне допустимая погрешность. А тебя как звать-величать, большой и суровый человек с ружьем? Дырокол обозвал тебя «крысиным волком», но, готов поспорить, он говорил так со зла, и на самом деле твое имя звучит намного лучше.

– В этих краях меня не знают. – Собеседник не спешил раскрывать передо мной карты, но карабин все-таки опустил. После чего полез в карман и, вынув оттуда

пачку сигарет с зажигалкой, закурил. – Да и в других краях я не слишком известен. Но меня это вполне устраивает, ведь я не ношу пижонских шляп и не гоняюсь за дешевой славой. Вот пускай оно и дальше так остается.

– Разумная позиция. Уважаю и отчасти даже завидую, – пожал я плечами, пропуская мимо ушей очередную грубость. – Хотя на переговорах с тобой все-таки настаиваю. Уверен, что, будучи двумя практичными людьми, мы быстро придем к взаимовыгодному соглашению.

– Не видишь, что ли – я тут немного занят, – пробурчал громила, отставляя «Вепрь» и доставая из поясных ножен устрашающих размеров оружие – нечто среднее между мачете и абордажной саблей, чья гарда являла собой вдобавок шипастый кастет. – Хотя можешь рассказать мне о своем предложении, пока я буду работать. Раз уж на то пошло, тебя в любом случае будет приятнее слушать, чем верещание этих животных.

Увидев приближающегося к ним мордворота с тесаком, бандиты задергались, а Дырокол, с чьего рта я отклеил пластырь, взялся орать в его адрес проклятья. Такие, какие я доселе никогда не слышал, поскольку был плохо знаком с блатным жаргоном. Судя по отчаянию, что также звучало в этом крике, Вован ничуть не усомнился в серьезности кровожадных намерений человека-«ананаса». А значит, он и правда обнажил тесак не с целью поугагать своих пленников.

– Что это ты затеял, позволь тебя спросить?! – спохватился я, стараясь перекричать вопли Дырокола.

– А сам-то как думаешь? Довожу дело до конца, вот что, – как ни в чем не бывало ответил громила, не вынимая сигарету изо рта, и деловито проверил пальцем остроту лезвия. – Ты бы, конечно, просто разнес им черепушки из своих пукалок. Но я, видишь ли, человек небогатый и привык экономить патроны. Да и не заслужили эти трое быстрой смерти. Будет справедливее дать «покайфовать» им напоследок хотя бы полчаса... Тебя не напрягает этот шум? Могу, если хочешь, перерезать Вовану голосовые связки, чтобы он не мешал тебе слушать пение птиц, шелест листвы и все такое...

Как и ожидалось, человек-«ананас» оказался не лишен чувства юмора. Вот только желания смеяться над его шутками у меня не возникло. Ситуация вот-вот

грозила выйти из-под моего контроля. Требовалось принимать срочные меры, чтобы довести до нанимателя хоть какие-то доказательства гибели банды Дырокола. Хотя бы его голову. Этот же садист грозил оставить меня ни с чем, ведь голова с изуродованным лицом не стоила ни гроша, поскольку не годилась для опознания.

– погоди, не спеши! – обратился я к громиле. Тот как раз встал напротив мычащего и дергающегося Моти Дрища и прикидывал, какую бы часть его тела отрезать в первую очередь. – Зачем понапрасну рубить на гуляш того, за кого в цельном виде тебе отстегнут хорошую награду?

– Награда меня не интересует, – помотал головой этот несговорчивый бесребреник. – Есть на свете вещи, ковбой, которые надо делать безо всякой награды. И даже не за спасибо, а просто так, от души. Хотя тебе, охотнику за головами, который забесплатно пальцем о палец не ударит, этого не понять...

М-да, тяжелый случай. Тяжелый и по нынешним меркам исключительный.

И ладно бы, своди живодер с Дыроколом личные счеты – тогда его альтруизм был бы еще объясним. Но, насколько я понял, ничем таким в их разборке и не пахло. Громила вел себя абсолютно невозмутимо и даже пытался шутить. Иными словами, вел себя совсем не так, как мститель, добравшийся до своих заклятых врагов. И на махрового садиста, пьянеющего от вида и запаха крови, он не походил. Кажется, будто для него это было всего-навсего привычное хобби. Такое, которое его давно не возбуждало, но которое по-прежнему оставалось для него интересным.

– Ну хорошо, – заключил я и решил зайти с другого бока. – А обязательно кромсать этих подонков здесь и сейчас? Разве нельзя предать их мучениям в каком-нибудь другом, более подходящем месте? Так, чтобы их смерть вошла в легенды и послужила уроком другим подонкам, когда они снова сюда нагрянут?

Мордovorот отвлекся от Дрища и, нахмурившись, пристально посмотрел на меня.

– А ты, гляжу, все никак не уймешься, ковбой, – хмыкнул он, покачав головой. – Похвальное упрямство. Только тебе уже известен мой ответ: я не поручаю кому-то убирать за собой мусор, который могу убрать сам.

– Вот и прекрасно! Лучше не придумаешь! – Я подмигнул ему и показал большой палец. – Там, куда я направляюсь, нет палача, способного причинить Дыроколу те страдания, которые он действительно заслуживает. Так что твоя помощь пришлась бы тем людям весьма кстати. Можешь даже надеть маску, если не хочешь, чтобы тебя запомнили. Сам посуди, от чего больше пользы: от казни бандита в глуши или от казни, совершенной на глазах у пары сотен зрителей. Многие из которых, между прочим, потеряли по его вине друзей и родственников и даже не надеялись на то, что однажды их гибель будет отмщена.

Палач ответил не сразу. Некоторое время он в молчании переводил свой тяжелый взор с меня на пленников и обратно, но, похоже, его мысли заработали в правильном направлении. Когда садист отвлекается от своего любимого занятия и призадумывается, можно быть уверенным – он отнесся к твоим словам со всей серьезностью.

– Что именно натворили эти животные в том месте, куда ты меня приглашаешь? – поинтересовался мордovorot спустя примерно минуту. – Только предупреждаю: говори правду, потому что я нутром чую, когда мне вешают на уши лапшу!

– Хочешь знать правду, значит, ее и получишь, – заверил я его. И поведал ему о том, о чем мне рассказали мои наниматели из деревни Лопатино. В их истории хватало душераздирающих подробностей, способных пронять даже такого непрошибаемого головореза, как этот малый. А если я где-то что-то и приукрасил, то совсем чуть-чуть. Не настолько, чтобы погрешить против истины и дать моему слушателю изловить меня на лжи.

По ходу моего рассказа лицо истязателя становилось все мрачнее и мрачнее. Несмотря на его звериные наклонности, кое-что человеческое в нем все-таки оставалось. Самая малость, но этого было достаточно, чтобы мы с ним пришли-таки к компромиссу.

– Ладно, твоя взяла, – буркнул громила. И, вернув тесак в ножны, с досадой посмотрел на получивших отсрочку от смерти бандитов. – Так и быть, прокачусь с тобой до той дыры, покажу тамошним слюнтяям, что почем, раз у них самих для этого кишка тонка. У тебя в багажнике найдется еще веревка, чтобы связать добычу покрепче?

– Разумеется! И не только веревка, но и кандалы найдутся – без них в моей работе не обойтись... Так как прикажешь тебя называть? Не Крысиным же Волком, в конце концов. Не спорю, крутое имечко, но какое-то оно все же неправильное. Да и обидное, если на то пошло.

– Я – Панкрат, – не слишком охотно признался мой временный компаньон и попутчик, – но можешь, если хочешь, называть меня Ананасом. И еще ты должен кое-что обо мне знать. На самом деле я – один из них... – Он указал на Дырокола и его подручных. – В смысле, не из их банды, а тоже из беглых эков. Понимаю, что такие чистоплюи, как ты, не верят на слово выродкам вроде меня, но все равно скажу: я с бандитской жизнью давно завязал. Окончательно и бесповоротно. И к тухлому блатному миру всяких там Дыроколов и ему подобных больше не принадлежу. А иначе, сам посуди, с чего бы эти твари называли меня «крысиным волком»?

– Считаю, Панкрат Ананас, что я – неправильный чистоплюй, и, так уж и быть, приму твои слова на веру, – кивнул я. – Ну а зовут меня Степан. Степан Иванович Четвертаков, а не Стэнли Квадро, хотя в здешних краях я более известен под своим цирковым псевдонимом. Кстати, тебе тоже не помешает взять кое-что на заметку. А именно: раз уж мы с тобой договорились отправить этих троих на честный суд, я не допущу, чтобы по дороге ты нанес кому-то из них увечья. Настанет время – увечь их сколько влезет. Но до той поры чтоб ни-ни, о'кей?

– Это будет нелегко, но я попробую, – проворчал Ананас. – Ладно, Иваныч, тащи свои кандалы, а я пока приберу вещички этой гоп-компании. Негоже оставлять здесь столько полезного добра. Я за наградами не гоняюсь, но от трофеев не имею привычки отказываться. Не знаю, как тебя, а меня в тюрьме не обучали питаться одним святым духом...

Глава 5

Как известно, кладбища – не самые удачные площадки для строительства на них чего бы то ни было.

Все это, конечно, обычные суеверия и предрассудки. В каждом крупном городе Земли, особенно в городах с многовековой историей, есть кварталы, стоящие на местах старых захоронений. И что? Да ничего. Проживающие там люди заняты повседневными делами и в большинстве своем понятия не имеют, что буквально ходят по костям сотен или даже тысяч истлевших человеческих тел. Ничего не поделаешь – города неминуемо разрастаются вширь. И вот уже на тех их окраинах, где прежде располагались кладбища, бьет ключом жизнь: высятся дома, ездят по улицам машины, зеленеют парки, работают фабрики, шумят рынки...

Впрочем, если бы ученые, бурившие четыре с лишним года назад недра под злополучной станцией метро «Трубная», наткнулись на обычное кладбище, вряд ли это так взбудоражило бы планету. Скорее всего, о такой находке сегодня никто и не помнил бы. Но ученым повезло: их открытие наряду с их именами вошло в историю. Вошло, даже несмотря на то, что вскоре после этого наш мир рухнул в тартарары, и та история – история нашей цивилизации, – возможно, подошла к своему концу. Однако пока в ней не была поставлена финальная точка, мы еще не забыли о том, с чего началась ее финальная глава. И что творилось тогда в Москве и в остальном мире.

Открытие тех бурильщиков произвело фурор не только в научных, но и в других кругах, причем весьма далеких от науки. Также оно подлило масла в огонь страстей, что бушевали в Интернете после вспышки московской зомби-лихорадки. И хоть связь между нею и находкой ученых была чисто умозрительной, никто – ни высоколобый профессор, ни простой обыватель, – не сомневался: они наблюдают не разрозненные явления, а звенья одной цепи.

А как иначе было назвать орду копателей, роющих землю над гигантским могильником, площадь которого не удавалось вычислить даже приблизительно?

Возраст человеческих костей, которыми был завален могильник, равнялся примерно полутора миллионам лет. Это удалось определить по самим костям, а не по геологическим слоям, в которых они залегали. Со слоями поначалу возникла неразбериха – те оказались гораздо старше, чем обнаруженные в них останки. Но когда с помощью зондов была разведана истинная глубина могильника, многое встало на свои места.

Многое, но не все. И главными вопросами, оставшимися без ответа, были: «Что за причина согнала сюда этих людей и умертвила их?», «Как это было сделано?»

и «У кого в ту эпоху хватило сил, чтобы вырыть столь исполинскую могилу?».

На то, что яма для могильника имела искусственное, а не природное происхождение, указывал характер ее дна. Его испещряли окаменелые следы, которые при внимательном изучении оказались следами человеческих рук и примитивных орудий труда. Отсюда и возникло несоответствие: древние люди углубились в еще более древние земные слои, где и похоронили то ли других людей, то ли самих себя. Причем больше походило на второе – кости верхних конечностей почти всех исследованных скелетов имели повреждения. Такие же, какие сегодня получали копатели-зомби, роющие голыми руками землю на Трубной площади и в ее окрестностях.

Точные границы могильника установить не удалось. Зонды, опущенные в скважины, что были пробурены за пределами карантинной зоны, наткнулись на тот же слой из спрессованных окаменелых скелетов. Их залегало под северными районами центральной Москвы десятки миллионов – и это только по самым грубым и приблизительным подсчетам! Неудивительно, что такая новость лишь усугубила страх ее жителей, и без того напуганных усиливающимся день ото дня наплывом копателей.

Среди костей были обнаружены не до конца разложившиеся артефакты той эпохи: пуговицы, инструменты, предметы быта и другие мелкие вещи или их обломки. Судя по качеству их изготовления, в могильнике покоились представители довольно развитой цивилизации – однозначно, самой древней из всех открытых нами цивилизаций наших предтеч. Лишь единственная версия объясняла эту находку и связывала ее с копателями: обитатели Земли уже сталкивались с подобным явлением. И в прошлый раз предотвратить катастрофу не удалось – она разразилась в невиданных масштабах. Таких, что напрашивались самые неутешительные догадки: после того как ее жертвы очутились в одной братской могиле, та цивилизация прекратила свое существование. А если кто-то из ее представителей выжил, он не только не возродил ее заново, но и не смог сохранить ее наследие.

И вот история повторялась. Вопреки крылатой поговорке – не в виде фарса, а возможно, в еще более катастрофическом масштабе. К этому имелись все предпосылки: количество вероятных жертв, стягивающихся к новому вероятному могильнику, постоянно увеличивалось. А сам он становился все глубже и шире, даже несмотря на то, что зомби продолжали рыть его руками. Лишь изредка в руках какого-нибудь копателя-профи можно было увидеть

лопату, кирку или тачку, что, разумеется, никак не отражалось на производительности здешнего труда.

Вести полноценные исследования супермогильника из тоннелей метро было невозможно по техническим причинам. А наверху этому препятствовали орды зомби. Они продолжали собственные раскопки, уничтожая оккупированный ими район столицы. Подрывая фундаменты, они обрушивали здания себе же на головы и гибли десятками. Но на место погибших приходили новые копатели. С упорством, достойным лучшего применения, они разгребали завалы, не обращая внимания на засыпанных камнями мертвецов и корчившихся раненых. Последние не кричали от боли и не зывали о помощи, а продолжали грести руками землю до тех пор, пока не выпускали дух. После чего их, как и прочих мертвецов, съедали другие копатели. Что уже никого не удивляло. Каннибализм стал среди них обыденным явлением, ведь рост их численности опережал темпы поставок им гуманитарного продовольствия.

Через год после начала массового безумия на «Трупной площади» военное положение было введено не только в Москве и во всех российских городах от Калининграда до Сибири, но и в странах Европы, Скандинавии, на Кавказе, на Ближнем Востоке и в Средней Азии. Появляясь то здесь, то там, копатели сбивались в стаи и двигались к Москве, разоряя все на своем пути. Государственные институты в пораженных эпидемией странах пока с грехом пополам функционировали, и законная власть еще имела в них авторитет. Но во многих местах уже царили хаос и анархия.

Беспорядки чинили не только зомби, но и те, кто решил половить рыбку в мутной воде: бандиты, анархисты, мародеры... Мировую экономику лихорадило. Деньги обесценивались. Долгие перебои с энергоснабжением стали привычным делом. Транспортное сообщение и связь работали из рук вон плохо. В армиях начались разброд и повальное дезертирство. Границы из-за постоянных прорывов зомби почти не охранялись. Навстречу копателям двигались беженцы. Те, которые насмотрелись на их бесчинства и решили, пока не поздно, обратиться подальше от расползающегося очага московской аномалии. И все же этот мир оставался привычным нам миром, дающим надежду, что однажды корень нынешнего зла будет найден и уничтожен. После чего кризис сойдет на нет, безумцы-копатели очнутся от наваждения, и к нам снова вернется спокойствие и порядок.

Нормальные люди объединяли усилия в борьбе с нарастающей угрозой, возводили укрепления, вооружались всем, чем только могли. Но никто из них не был застрахован от того, что рано или поздно у него в голове прозвучит Зов – так за неимением иного объяснения стали называть этот феномен. Зов выбирал свои жертвы по принципу рулетки и мог разразиться в голове у любого. И горе друзьям и близким такого бедолаги, которые оказывались поблизости от него и не успевали вовремя обнаружить угрозу. Новоиспеченный копатель был подобен неразорвавшейся гранате. В лучшем случае он мог подчиниться Зову и, не разбирая дороги, отправиться в сторону Москвы. В худшем – отправиться в сторону Москвы после того, как прикончит одного или нескольких человек, которые, по его мнению, стояли между ним и его заветной целью.

За год не затронутое Зовом население Европы, Ближнего Востока и половины Азии поголовно заразилось другой болезнью – паранойей. Мужья теперь боялись засыпать рядом с женами, матери – с малолетними детьми, а в домах накрепко запирали на ночь не только входные двери, но и комнатные. Ночевать вдвоем или втроем в одной комнате стало таким же рискованным занятием, как курение рядом с открытой пороховой бочкой. Прежде чем новые правила безопасности вошли в привычку везде и всюду, немало людей погибло от рук тех, от кого, казалось бы, им в последнюю очередь стоило ожидать удара в спину. Впрочем, даже тщательное соблюдение мер предосторожности не гарантировало, что они остановят объявившегося среди вас копателя. А если тот вдобавок ко всему оказывался берсерком или профи...

День, когда набирающая обороты катастрофа докатилась лично до меня, я помню фрагментами. Есть среди моих воспоминаний того дня четкие, есть смутные, а есть и пробелы, что начисто стерлись из памяти. Тем не менее последние я тоже считаю важными деталями этой мозаики, без которых она для меня не склеивалась. И которую, будь на то моя воля, я бы никогда не склеивал. К сожалению, вышибить те воспоминания из моей головы могла лишь пуля – вместе с мозгами и жизнью. Но, видимо, я был чересчур малодушен, чтобы раз и навсегда разобраться со всеми моими проблемами столь радикальным способом.

Это случилось незадолго до того, как в Москве, а следом за нею в других местах, было введено военное положение. Надвигалась зима, и наш цирк «Легенды Дикого Запада» возвращался с гастролей в Ярославль – город нашей постоянной прописки. Полагаю, можно не уточнять, что те гастролы выдались не слишком удачными. Особенно во второй половине лета и начале осени. Людям становится не до цирковых шоу, когда вокруг творится нечто зловещее и необъяснимое. А

тем более, если кто-то из их родных, друзей или знакомых внезапно лишается разума, становится агрессивным и уходит из дому в неизвестном направлении... Точнее, в известном – в Москву. Но поскольку копатели шли туда не разбирая дороги, их безутешным родственникам было трудно отыскать и поймать такого безумца по пути в столицу.

С грядущей зимой многие, в том числе и я, связывали наши надежды на лучшее. Трудно объяснить, почему. Но лично мне тогда казалось, что морозы должны затормозить распространение психической эпидемии. А уж до весны ученые наверняка отыщут источник заразы и уничтожат его. Не могли не отыскать, ведь место, куда стремились все психи, красноречиво указывало на то, где сокрыт корень этого зла.

Наш оптимизм выглядел наивно, но в те дни думать так было нормально. Тем более что в нашей цирковой труппе никто пока не сошел с ума, и вообще мы не сталкивались еще ни с одним копателем. Жонглеры, эквилибристы, трюкачи, вольтижеры, дрессировщики, фокусники, клоуны, а также униформисты, костюмеры, конюхи, водители и прочий служебный персонал – все мы во время гастролей жили одной дружной семьей. Были среди нас и обычные семьи. Сам я, к примеру, жил в гражданском браке со своей ассистенткой Аленой, у которой был сын Антошка – не мой, но для меня это не имело значения, поскольку я относился к нему как к родному. В тот год ему как раз исполнилось шесть лет, и в будущем году он должен был пойти в школу. А пока Антошка – бойкий и непоседливый мальчуган – колесил вместе с мамой и всеми нами по России, что ему безмерно нравилось. И о чем Антошка наверняка станет скучать после того, как останется у бабушки в Ярославле, где ему предстояло учиться.

Оглядываясь сегодня назад, я понимаю, что никогда не был для Антошки хорошим отцом. Да и просто отцом тоже вряд ли был, к чему я не особо и стремился. Потому что настоящий отец на моем месте проявил бы себя гораздо более осмотрительным человеком. И подготовился бы ко встрече с опасностью, о которой твердили в каждом выпуске теленовостей. И которая была намного ближе, чем мне тогда виделось. Но я оказался к ней совершенно не готов. Хуже того – когда она нагрянула, я валялся пьяный после попойки, что мы устроили в автобусе по дороге домой, празднуя окончание гастролей. И в тот момент, когда я был нужен Алене и Антошке больше всего на свете, меня не оказалось рядом. А когда я очнулся, понял, что происходит, и поспешил к ним на помощь, было уже слишком поздно...

Можно представить, что думал обо мне Антошка в последние, самые жуткие секунды своей жизни. Можно представить – но я стараюсь делать это как можно реже, поскольку большего позора в своей жизни мне испытывать не доводилось. Человек, которым Антошка искренне восхищался и считал его чуть ли не сказочным супергероем, не пришел к нему на помощь. И не перестрелял злобных гадов, что напали на него и на его маму. А ведь этот парнишка был моим самым горячим и верным поклонником. Он не расставался с ковбойской шляпой и игрушечными револьверами, даже когда ложился спать – они всегда лежали на стуле рядом с его кроватью. И так уж вышло, что в ту злополучную ночь Антошка схватил свое оружие раньше, чем я – свое. После чего всерьез попытался отстреляться от зомби, потому что когда я нашел его растерзанное тело, те пластмассовые револьверчики были все еще зажаты у него в руках...

Впрочем, не буду забегать вперед, а расскажу обо всем по порядку, как бы ни было тошно мне от этого рассказа.

Итак, наша автоколонна выехала из Кирова и двигалась по направлению к Котельничу, а я и мои собутыльники, изрядно пьяные, дрыхли в одном из автобусов мертвецким сном. Сухой закон, который мы безукоризненно соблюдали в гастрольном туре, был теперь отменен. И те из нас, для кого работа была окончена – то есть артисты, – получили наконец-то возможность расслабиться. Чем и пользовались, поскольку не было лучшего способа убить скуку во время долгого пути домой.

Алена в том праздновании не участвовала, поэтому они с Антошкой ехали в другом автобусе. И тоже спали, поскольку было уже далеко за полночь. Знакомая дорога не предвещала сюрпризов, но предчувствия нас обманули. На подъезде к Котельничу фары головного автобуса колонны неожиданно высветили в темноте два разбитых автомобиля: столкнувшиеся лоб в лоб маршрутку и грузовик.

Наши водители допустили фатальную ошибку, когда остановились узнать, что стряслось и не нужна ли кому-нибудь медицинская помощь. И все же несправедливо обвинять их в том, что они поступили так, а не промчались, не притормозив, мимо. На их месте я повел бы себя так же. Но мое поведение в ту ночь не заслуживало вообще никакого оправдания. Так что кому и судить их за их благородный поступок, то точно не мне.

Что стало причиной той аварии – выскочившие на дорогу копатели или обычная человеческая халатность, а копатели примчались туда на шум, – мы не выяснили. Едва наша колонна остановилась и водители автобусов поспешили к разбитым маршрутке и грузовику, наша судьба была предрешена. И изменить ее отныне не представлялось возможным.

Все могло обернуться не так трагично, нарвись мы на стаю обычных зомби. По идее, от них еще можно было спастись – они атакуют беспорядочно и порой мешают сами себе, путаясь друг у друга под ногами. Но, как назло, на нашем пути оказалась стая, ведомая поводырем, а это в корне меняло дело. И, увы, меняло не в нашу пользу.

О копателях-поводырях в то время было известно крайне мало. На «Трупной площади» они вроде бы играли роли прорабов, внося в царящую там неразбериху пусть простейшую, но организацию. Каким образом? Возможно, с помощью телепатии, потому что, в отличие от обычных копателей, поводыри вообще не издавали звуков, даже мычания. За пределами Котлована эта разновидность зомби встречалась тогда крайне редко. Но те, кто с ними сталкивался, утверждали, будто ведомые ими стаи действуют гораздо осмысленней: ищут мосты или переправы вместо того, чтобы пересекать реки вплавь; пытаются не штурмовать, а обходить крутые возвышенности; не суются в болота и иные гиблые места... Но самое главное – в столкновениях с нормальными людьми эти копатели не прут на рожон, а используют тактику. Само собой, примитивную, но для них это уже считалось гигантским достижением.

Вожак стаи, напавшей на нас под Котельничем, похоже, использовал дорожную аварию как приманку. А иначе как объяснить, что отсиживающиеся в придорожных кустах зомби бросились в атаку лишь тогда, когда из автобусов на дорогу высыпали все не спящие в тот час пассажиры? И атакованы они были сразу со всех сторон, что моментально отрезало их от единственных доступных им укрытий. После чего копатели приступили к привычной для них бойне, растерзывая людей на части руками и зубами.

Стая оказалась не только организованной, но и крупной. Рычание десятков зомби слилось с криками и визгом их жертв, а также ржанием напуганных лошадей (их мы перевозили на тягачах в специальных трейлерах). Этот душераздирающий ор вмиг разбудил тех, кто продолжал спать в автобусах. Я тоже проснулся, хотя в пьяном состоянии меня обычно не добудишься и пушкой.

Еще какое-то время мне потребовалось, чтобы продрать глаза и осознать, что творящаяся вокруг дикость мне не снится. Но окончательно я пришел в себя лишь тогда, когда во мраке на меня навалилась рычащая туша, от которой смердело, как от выгребной ямы. Тут же весь хмель из меня как ветром выдуло, и я стал защищаться изо всех сил, какие только остались во мне после вечерней попойки.

Мое оружие и патроны находились в этом же автобусе, но были спрятаны в сейфе, между которым и мной как раз стояла эта тварь – первый зомби, с которым я столкнулся буквально нос к носу. И которого при всем желании не мог назвать человеком, хотя и был «знаком» с ним лишь несколько секунд. Схватив первое, что подвернулось под руку – настольную лампу, – я взялся молотить ею копателя по голове и отбрыкиваться, а он столь же яростно пытался дотянуться до моего горла.

И дотянулся бы, остановись я хотя бы на мгновение. Но каждый мой удар мешал ему сосредоточиться на цели и причинял ему урон. Какими бы живучими ни были зомби, удары в висок тяжелыми предметами для них также смертельны. С той лишь разницей, что для этого их надо нанести как минимум дюжину в одно и то же место.

Хорошо, что в тот раз я столкнулся не с берсерком или профи. Покусившийся на меня безумный толстяк был силен, но нерасторопен. Разбив ему левую половину черепа, я сумел в конце концов от него отделаться. А потом перепрыгнул через агонизирующее тело и бросился к сейфу, нашаривая в кармане ключи липкими от чужой крови руками.

Никого, кроме меня, в автобусе уже не было, но по пути к сейфу я запнулся еще за чье-то тело. Кому оно принадлежало, во тьме было не разобрать. Кажется, это был кто-то из моих собутыльников, не сумевших отбиться от зомби-толстяка. Проверять, жив этот бедолага или нет, я не стал. Все мои мысли были обращены к находящимся в другом автобусе Алене и Антошке, чьи крики я, кажется, сейчас слышал. А может быть, это кричали не они – поди разбери в таком шуме и суматохе. Но так или иначе, над ними нависла такая же угроза, как над остальными. Ведь если копатели добрались до меня, с той же легкостью они доберутся и до Алены с Антошкой, а женщина и ребенок от них не защитятся.

Еще один ворвавшийся в автобус копатель захотел помешать мне добраться до сейфа. Не останавливаясь, я саданул ему ногой в грудь. Вылетев обратно из

дверей, он врезался спиной в следовавших за ним зомби, повалил их на асфальт и сам грохнулся навзничь поверх их дергающихся тел.

Падение не причинило им вреда, но позволило мне беспрепятственно открыть сейф, достать пояс с револьверами и зарядить два из них. Прежде я проделывал это несметное количество раз, но сейчас мои руки дрожали от волнения, что сказывалось на моей расторопности. И все же я успел вооружиться до того, как мои сбитые с ног противники поднялись и снова вторглись в автобус. Вот только они меня там уже не застали. Не желая связываться с ними, я высадил пинком стекло и, не забыв сунуть в карман куртки пару пачек патронов, выпрыгнул из автобуса, что едва не стал для меня смертельной ловушкой.

Патроны! Тоже мне аргумент против зомби: безобидные восковые пули, вставленные в гильзы с неполной навеской пороха... Проще было убить медведя утиной дробью, чем уложить такой пулей копателя. Правда, в моем случае шансы повышались, ведь на арене я попадал навскидку с двадцати шагов в рублевую монету. А значит, смогу попасть и в глаз зомби – единственное уязвимое место у него на теле, угодив в которое восковая пуля его уколошит.

Проблема в том, что здесь была не арена и что раньше я никогда не стрелял в человека. Но беспокойство за судьбу тех, кто был мне дорог, помогло мне переступить через этот психологический барьер. Я преодолел его, пусть даже темнота и паника плохо этому способствовали. И когда в конце концов мне удалось добраться до Алены и Антошки, на моем счету было три мертвых копателя. Которых, правда, на моем месте уложил бы каждый, поскольку я стрелял по ним практически в упор. И если бы вовремя не спускал курки, эти зомби сами бы натыкались глазами на стволы моих револьверов.

«Ругер Вакуэро» – лучшее оружие, из которого мне доводилось стрелять. А я – один из лучших стрелков, что когда-либо нажимали на спусковые крючки этих револьверов. Вот только все это оказалось совершенно бесполезным, когда дело коснулось защиты моей семьи. В ту безумную ночь я спешил к Алене и Антошке как мог. Но, к несчастью, пирующая повсюду смерть меня опередила. И когда я добежал до них, все было кончено. Копатели убили их внутри автобуса, а потом вышвырнули истекающих кровью мать и ребенка на дорогу, где еще какое-то время продолжали терзать их тела.

К моменту моего появления их уже оставили в покое, но я не смог взглянуть в последний раз на дорогие мне лица. Копатели изодрали их настолько, что они

превратились в сплошное кровавое месиво. Рядом с Аленой валялся кухонный нож, которым она пыталась защитить Антошку. А у него, как я уже говорил, все еще был зажат в руке игрушечный револьвер – последняя надежда мальчишки на спасение, раз уж мои легендарные револьверы оказались на это не способны.

От осознания случившегося и бессилия что-либо изменить руки мои опустились, ноги подкосились, и я упал на колени, а потом...

Остаток той ночи я помню очень смутно и фрагментарно.

Я все же нашел в себе силы встать с колен и поднять оружие до того, как меня постигла бы участь жены и сына. Чтобы хоть как-то искупить самую чудовищную ошибку в моей жизни, я спешил на крики о помощи, всаживая пули в глаза попадающихся мне навстречу зомби. Кажется, мне и впрямь удалось кого-то спасти. Но это были не те люди, которых я хотел бы видеть сейчас живыми, и потому никто из них мне не запомнился.

Также понятия не имею, как я очутился в автобусе, на котором из крошечного ада вырвались те немногие из нас, кому посчастливилось уцелеть. Если мне не изменяет память, нас насчитывалось не более пятнадцати человек – десятая часть от всей нашей гастрольной труппы! Возможно, еще двум-трем счастливицам повезло ускакать оттуда верхом. В разгар заварухи мимо меня то и дело проносились сбежавшие из трейлеров напуганные лошади, которых кто-нибудь мог затем оседлать. Прочие же наши друзья и родственники все до единого пали жертвами зомби. И на утро следующего дня цирк «Легенды Дикого Запада» прекратил свое существование. Он ушел в историю, как и многое другое, что уничтожили копатели до и после этой трагедии.

Последнее, что запомнилось мне, прежде чем наш автобус умчался прочь – высокий беловолосый человек. Он стоял на обочине дороги, в стороне от разыгравшейся бойни. Фары высветили его ненадолго, но этого хватило, чтобы определить: он не из наших. К тому же он был инвалидом – у него отсутствовала левая рука, ампутированная по самое плечо. Однако на зомби этот дылда тоже не походил. Он был совершенно спокоен, в то время как копатели толпой бежали за автобусом, не собираясь так просто отпускать нас отсюда.

Загадочный однорукий блондин не сдвинулся с места, когда автобус промчался мимо него, и наши взгляды на миг встретились. Что он мог увидеть в моих

глазах, понятно: смертельную ярость и беспросветное отчаяние. Что я увидел в его глазах? Трудно сказать, но злобой они точно не горели. Да и других эмоций в них не прослеживалось. Это был взгляд равнодушного ко всему созерцателя, но разве можно остаться равнодушным, глядя на бесчинствующих зомби?

Можно – в том случае, если ты сам являешься одним из них и способен повелевать ими...

О том, что это был копатель-поводырь, я узнал позднее – когда этих тварей стали замечать повсеместно. Но тогда я ни о чем подобном не догадывался. Что, возможно, было и к лучшему, ведь иначе я остался бы, дабы поквитаться с главным виновником убийства Алены, Антошки и прочих моих товарищей. До которого я, впрочем, все равно не добрался бы. Потому что либо свернул бы себе шею, прыгая из мчащегося автобуса, либо был бы растерзан бегущими за ним зомби. Ну а так мы – горстка выживших – доехали до Котельнича, где перевязали раны и, предавшись скорби по погибшим, поведали миру обо всем, что с нами стряслось...

Вернее, рассказывать эту историю моим товарищам пришлось уже без меня. Еще до того, как мы прибыли в Котельнич, я не выдержал и сломался. Не сказав никому ни слова, я осушил от беспросветной тоски подвернувшуюся под руку бутылку водки и позорно сбежал сразу, как только наш автобус остановился. При мне были лишь револьверы с остатком патронов, документы да бумажник с деньгами, выплаченными мне нашим импресарио после финального представления.

Какие у меня были дальнейшие планы? О, самые что ни на есть грандиозные! Сначала – купить и выпить еще одну бутылку водки, поскольку одной мне показалось мало. А потом – найти укромный уголок и пустить себе пулю в глаз. То есть свести счеты с жизнью тем же способом, которым я так ловко убивал зомби. И который, к моему великому сожалению, не помог мне убить тех зомби, кого я должен был остановить в первую очередь.

С первым пунктом плана трудностей не возникло, а вот со вторым... Застрелиться после убойной дозы алкоголя у меня не вышло – я отключился еще до того, как смог настроиться на самоубийство. А когда проснулся и, обнаружив себя в каком-то придорожном мотеле, привел мысли в относительный порядок, то понял, что у меня вдруг пропала всяческая охота умирать. Малодушие не позволило мне остаться с выжившими – теми, кому предстояла тяжкая, скорбная

работа: опознавать и хоронить останки наших товарищей. И это же малодушие не давало мне присоединиться к погибшим, рядом с которыми, говоря начистоту, и было сегодня мое место. Куда ни кинь, везде я повел себя недостойно. И не мог осмелиться на настоящий поступок даже в память о своих погибших близких.

В тот день было еще не поздно встать на любой из этих двух путей. Но я опять смалодушничал и в итоге выбрал третий путь: отправился куда глаза глядят к неведомой мне пока цели. Вернее, это был даже не путь, а скорее направление, подобное тем зигзагам, которыми добираются до Москвы копатели. И пусть в моей голове не звучал Зов, в данный момент я немногим отличался от зомби. А именно – меня не тянуло на «Трупную площадь», и вся моя жгучая ненависть была направлена лишь на самого себя.

Неприкаянный, я уходил в долгое странствие по миру, досадуя, что моя жизнь перевернулась в одночасье с ног на голову. Однако не прошло и года, как подобной жизнью зажил не только я, но и весь остальной мир! А то, что виделось мне поначалу ненормальным, постыдным или диким, вскоре повсюду стало нормой. И горе тому, кто был не готов к переменам или отказывался признавать жестокие законы новой реальности. Новый мир – мир Копателей – был нетерпим к ретроградам, которые в нем попросту не выживали. Несмотря на то что мы называли себя чисторукими, нам, чтобы выжить, тоже приходилось частенько марать свои руки. Причем не только в грязи, но и в крови, которая и у нас, и у зомби по-прежнему была одного и того же цвета...

Глава 6

– Читал я, помнится, в тюрьме одну книжку, – заметил Ананас, попыхивая сигареткой и рассовывая по карманам разгрузочного жилета снаряженные магазины от «Вебря». – Толстую такую книжку и до изжоги многословную, что я даже удивлялся, как у автора хватило терпения ее до конца дописать. Одно мне в той книжке безумно нравилось: она была про море. А море от зэка, который пожизненный срок по строгачам мотает, находится еще дальше, чем звезды. Их я хоть иногда сквозь решетку по ночам видел, а море – только во сне. Ну или воображал его в мыслях, когда мне такие книжки порой в руки попадали.

– С чего это вдруг ты заговорил о литературе? – удивился я. Мы готовились к вот-вот предстоящей нам работе, поэтому выбранная моим новым напарником тема для беседы была довольно странной.

– Да вот с самого утра вспоминал, как та книжка называется, и только сейчас вспомнил, – пояснил Панкрат. И, подняв вверх указательный палец, доложил мне о результатах своего умственного труда: – «Моби Дик»! Там про похожего на тебя фраера с причудами рассказывается. Да ты, Иваныч, тоже небось этого «Дика» читал. Вы, артисты, народ образованный и тащитесь от таких толстых и умных книжек.

– Я был цирковым артистом, – напомнил я. – А от циркачей требуется ловко шевелить руками, а не мозгами, так что читать нам книжки было недосуг... Хотя ты угадал: как раз эту книжку я в свое время осилил. И понимаю, куда ты клонишь. Хочешь сказать, что я – как тот одноногий капитан Ахав, который свихнулся на поисках искалечившего его белого кашалота. Только я годами охочусь на более мелкую и сухопутную тварь – белобрысого однорукого поводыря, так?

– Угу, – буркнул Ананас. Закончив с магазинами, он повесил «Вебрь» за спину на ремень и взялся заряжать пулеметную ленту в «хеклер-кох-221». – Так и есть! Что тот Ахав, что ты – почти одного поля ягоды. С той лишь разницей, что ты пока не на всю голову долбанутый и у тебя обе ноги на месте.

– Ну спасибо тебе за откровенность, друг сердешный! – Я шутливо приподнял над головой шляпу. – Но спорить не буду: все-таки есть в твоём сравнении доля истины. И если кто-то однажды сообщит мне, что видел поблизости того самого поводыря, вряд ли я устою перед искушением отстрелить ему вторую руку, а затем и башку. Да только глупо на это надеяться. Больше трех лет с той поры миновало, а копатели так долго не живут.

– Вот тут, Иваныч, не скажи, – возразил Панкрат. – Поводыри себя физическим трудом не изнуряют, да и вообще в земле не роются. А стало быть, запросто могут прожить и три года, и больше. Разве только однорукий гад ушел в столицу и стал «прорабом» в Котловане – вот тогда ты можешь о нем навсегда забыть. Но если он по сию пору работает у зомби проводником вдали от Москвы, то я бы на твоём месте и правда почаще прислушивался, о каких тварях народишко в фортециях болтает...

В словах беглого зэка с исполосованным шрамами лицом имелся резон. Давно замечено, что не всякий поводырь, который доводит до Москвы стаю копателей, остается с нею до конца. Иногда зомби-лидеры поворачивали обратно и удалялись от столицы на сотни или даже тысячи километров, чтобы собрать новую стаю и тоже повести ее к Котловану. Следуя своей загадочной логике, поводыри никогда не ходили одними и теми же дорогами. Если, например, один из них доставлял бригаду копателей с юга, то сразу после этого он мог без видимых причин отправиться на север, запад или восток. Поэтому я имел все основания предполагать, что виновный в гибели моей семьи однорукий поводырь действительно мог быть еще жив.

Главная моя проблема состояла не в том, как его убить. Сначала его требовалось отыскать. Что было ой как непросто, так как сегодня он мог находиться где угодно: на Дальнем Востоке, в Сибири, в Индии, в Китае, на Аравийском полуострове, на Кавказе, в Европе... или даже в каком-нибудь полукилометре от меня! Короче говоря, изловить моего «белого кита» являлось посложнее, чем Моби Дика. Капитан Ахав хотя бы знал пути миграции китов и их повадки. А я помнил лишь несколько особых примет своего обидчика, не более. Да и те за три года, что миновало с нашей злополучной встречи, могли измениться. Кроме, пожалуй, отсутствующей левой руки. Пусть копатели и живучее чисторуких, но оторванные конечности у них, как и у нас, заново не отрастают.

Для бывшего уголовника-рецидивиста Ананас рассуждал на удивление здраво и всегда прислушивался к чужому мнению. И это при том, что ко многим обыденным вещам проведший треть жизни за решеткой Панкрат относился прямо-таки с детской наивностью. Это всякий раз давало ему повод для самоиронии, что в свою очередь ломало мои стереотипы о закоренелых преступниках. По крайней мере, до Ананаса я не сталкивался со столь практичными и необидчивыми представителями уголовного мира.

Прошло три месяца с тех пор, как мы с Ананасом привезли в Лопатино насильника и убийцу Дырокола, а также двух его подельников. Там Панкрат разделался с ними уже окончательно, благо лопатинцы не возражали насчет того, что убийц казнит заезжий палач, а не они. Да и с чего бы им было возражать? Одного взгляда на свирепого громилу хватало, чтобы понять: сегодня Вовану отольются слезы не только его недавних жертв, но и прочих несчастных, кого он еще загубил в своей жизни. Включая убитых в детстве из рогатки голубей и замученных соседских кошек.

И Ананас лопатинцев не разочаровал! Я не люблю смотреть на публичные истязания, даже если те являют собой заслуженную кару за преступления. Поэтому, пока мой временный компаньон орудовал в поте лица тесаком на возведенном для Дырокола эшафоте, я сидел неподалеку в трактире. И расслаблялся после многотрудной работы более цивилизованным способом: выпивал, поминая заодно павшего от моей руки Сашку Урагана и обдумывая свои дальнейшие планы.

Спокойного отдыха, правда, не получалось. Умиравшие в муках бандиты оглашали поселок дикими воплями. Столпившийся на площади народ тоже вопил, только эти крики были исполнены презрения и злорадства. Меня их гвалт изрядно раздражал. Но поскольку другого трактира здесь не было, приходилось, скрипя зубами, терпеть это неудобство.

Награду Ананас, как и обещал, не взял. Зато не отказался от предложения бесплатно отужинать в трактире и провести такую же дармовую ночь в публичном доме. Это стало для беглого зэка своеобразным откровением. Как выяснилось впоследствии, такая шикарная лафа, да к тому же законная, ему еще ни разу в жизни не выпадала. И потому, как бы ни чтил Панкрат свой персональный кодекс чести, там не нашлось пункта, запрещающего ему предаваться мелким радостям жизни. В особенности когда за них с Ананаса не требовали плату.

– Ну что, оценил преимущества настоящего бизнеса перед той любительской самодеятельностью, на которую ты почему зря растрачиваешь свои таланты? – поинтересовался я у него, когда на следующее утро подсел к нему в трактире за завтраком. И без того жуткая рожа громилы опухла после всенощного кутежа, но вид у него был несказанно довольный.

Не отрываясь от еды, Панкрат пробурчал в ответ что-то неразборчивое, хотя его тон все же был неагрессивным. «Не сочти за грубость, Иваныч, но не пойти ли тебе лучше на хрен!» – видимо, как-то так расшифровывался этот набор рычащих звуков.

– Чего тебе еще от меня надо? – снова огрызнулся Ананас, когда прожевал кусок бифштекса и, к своему разочарованию, понял, что я не намерен оставлять его в покое.

– Нет желания заняться делом на профессиональном уровне? – спросил я его напрямую, не став больше ходить вокруг да около. – Парень ты толковый, слово свое держишь, пьешь в меру, мирных жителей не задираешь и с дамами ведешь себя по-джентльменски. Как по мне, ты просто создан для этой работы. А то, что тебя не интересует вознаграждение, так и вовсе прекрасно – значит, нам не придется ругаться при его дележе! Я буду забирать себе награду, ты получаешь все трофеи, какие только соберешь – вполне честная сделка.

– Есть одна серьезная проблема, Иваныч. – Ананас поморщился. – Ты убиваешь копателей, а я – нет. Копатели – больные люди. Их надо лечить, а не убивать.

– Раскрой глаза, Панкрат! – горько усмехнулся я, выругавшись про себя в адрес этого наивного садиста с гуманистическими заскоками. – Возможно, пару лет назад зомби и правда еще можно было вылечить от безумия. Но сегодня искать средство от этой болезни попросту некому. А даже если такие люди и остались, у них банально нет технических возможностей, чтобы решить столь глобальную проблему.

– А как же парни из «черных колонн»? – осведомился громила, затянувшись между делом лежащей на пепельнице зажженной сигаретой. – Разве они – не ученые, что колесят по миру в поисках нужного нам лекарства?

– Мне доводилось слышать обратное, – ответил я. – Поговаривают, будто те, кто ездит в «черных колоннах», и есть виновники всего этого тотального безумия. И будто катаясь по миру, они делают что-то такое, что еще больше усугубляет проблему. Так оно или нет, на самом деле никому неизвестно. Известно лишь то, что никто еще не обнаружил от «черных колонн» ни пользы, ни вреда. Само собой, что тебе, мне и прочим чисторукиим всей душой хочется надеяться на первое. Но надежды – это одно, а реальность – совсем другое. И единственное ныне существующее лекарство от этой болезни – я и такие, как я. Мы не трогаем копателей ровно до тех пор, пока они не начинают напрямую угрожать жизням нормальных людей. А также жизням их детей, которые и без этой угрозы ежесекундно рискуют угодить под воздействие Зова и оставить своих родителей в безутешном горе. Понимаешь теперь, Ананас, чем именно мы занимаемся и какую пользу приносим? Мы убиваем раковые клетки, что расплодились в организме под названием Человечество, чтобы те не убивали его здоровые клетки и он продолжал жить. Пусть даже такой дерьмовой жизнью, но уж лучше она, чем смерть, верно?

– Красиво излагаешь, Иваныч. Сразу видать – артист! Мне так вовек не сказать, даже если я все умные книжки в мире прочту... – Панкрат большим глотком ополовинил кружку с пивом и, утерев рукавом губы, сытно рыгнул. Потом проводил глазами зашедшую в трактир одну из бордельных шалав, с кем он, возможно, развлекался ночью, и полюбопытствовал: – А такая вот честная халява у вас – она только в этой дыре за работу положена или везде?

– Везде, где хозяева могут позволить себе подобную роскошь. – Я не стал чересчур обнадеживать Ананаса, поскольку он умел отличать искренность от фальши. – Хотя во многих местах, где я бывал, это считается правилом хорошего тона... Ну так что ты решил? Ударим по рукам или разойдемся восвояси?

– Я еще ничего не решил, – поправил меня громила, затушив в пепельнице сигаретный окурочок. – И не решу, пока окончательно не протрезвею. Дело серьезное, а значит, его надо хорошенько обмозговать. Приходи сюда в обед, тогда и отвечу на твой вопрос, а сейчас – извини...

Тяжко жить на белом свете бандиту, навсегда порвавшему с преступным миром. Приходится накладывать на себя массу всяческих табу, сильно усложняющих жизнь бывшему любителю творить произвол. К тому же повсюду рыщут другие беглые зэки, жаждущие поквитаться с Ананасом за былые обиды. И у них, в отличие от него, руки не связаны никакими ограничениями! И еще добавьте сюда его типично бандитскую рожу, придать которой добродушие не могла даже самая широкая и искренняя улыбка. Человеку с такой рожой чертовски трудно вызвать к себе доверие у незнакомых людей, и ему жизненно необходим авторитетный друг, готовый всегда за него поручиться.

Панкрат был парень не промах и умел за себя постоять. Но выживать в одиночку, наслаждаясь свободой и не нарушая закон, было куда сложнее, чем выживать так, как предлагал Ананасу я. Работая со мной, он не только ничего не терял, но и приобретал массу преимуществ. И мог получать от жизни гораздо больше радости, чем прежде. Потому что отныне было кому замолвить за него словечко и подтвердить: да, этот человек – не бандит с большой дороги, а честный малый, который чтит законы и которому можно доверять...

Короче говоря, Панкрат сделал правильный выбор. И спустя сутки мы с ним уже ехали на юг, в фортецию Красный Яр, чтобы доставить скорбные вести семье Сашки Урагана и снабдить ее на ближайшие месяцы всем необходимым. А спустя еще какое-то время мы уже трудились в поте лица над нашим первым

совместным делом, поскольку спрос на наши услуги был постоянный и не спадал даже зимой.

...Но до зимы было еще далеко, и это радовало. Все-таки летом нашу суетливую, грязную и потную работу делать было намного проще и приятнее...

– Не забудь, о чем нас с тобой настоятельно просили: главное, не повредить технику, – напомнил я Ананасу, когда мы с ним во всеоружии приблизились к оккупированному копателями хлебозаводу. – Прежде чем спускать курок, подумай о местных детях! Из-за тебя они могут больше никогда не отведать свежих булочек, если ты ненароком разнесешь пулями хлебопекарное оборудование.

– К черту оборудование! – огрызнулся Панкрат, не вынимая изо рта сигарету. – Я, между прочим, тоже люблю булочки. И тоже больше никогда не поем их, ежели меня сожрут зомби, в которых я не стану стрелять, беспокоясь о какой-то дерьмовой технике. Там, где летают пули, всегда остаются дырки – так уж у нас заведено. Хотят без дырок, пусть нанимают казаков с шашками, а мы пойдем поищем себе другую, более приличную работенку!

Ворчал он, разумеется, чисто по привычке. В действительности я не сомневался в том, что Панкрат будет стрелять очень аккуратно. Настолько, насколько это вообще будет возможно, когда на нас поперет толпа зомби.

Объект, который нам поручили от них освободить, находился западнее Ульяновска, в селе Подлесное. Окружив село крепкостенными баррикадами, его жители успешно отражали атаки зомби. А вот построенный на отшибе хлебозавод отстоять не сумели. Постоянно витающий над округой аромат свежего хлеба однажды привлек к заводу слишком крупную стаю копателей. Она прорвала заводскую оборону, вынудив рабочих и охрану спасаться бегством. Героическая попытка сельчан отбить стратегический объект, естественно, потерпела неудачу. Во-первых, у них имелся опыт лишь оборонительной войны, а не наступательной. А во-вторых, потеряв в битве за хлебозавод нескольких человек, они не захотели плодить у себя в поселке новых вдов и сирот. И поступили разумно: наняли для этой опасной работы заезжих головорезов. Тех, по кому никто в Подлесном уже не станет скорбеть и плакать.

Копателей называли зомби, но повадками они не напоминали своих киношных собратьев. Копатели были умнее их и больше походили на хищных животных, чем на безмозглых ходячих мертвецов. Доверять сведениям, полученным нами от напуганных крестьян, было нельзя, но, кажется, они не ошиблись: мы имели дело с обычной стаей, не возглавляемой поводырем. Однако как минимум два берсерка и один профи в ней наличествовали. Сбежавшие охранники завода упоминали о зомби с оружием в руках, а также о чересчур агрессивных и прыгучих зомби.

Врываться на захваченную территорию и палить во все, что рычит и движется – метод голливудских киногероев, борцов с медлительными зомби, но никак не наш. Мы действовали более продуманно: занимали со всем нашим вооружением господствующую высоту и уже оттуда начинали расстрел сбегающих на выстрелы копателей. После чего спускались на землю и планомерно зачищали здания. То есть добивали тех тварей, кто из-за глухоты или по иной причине не отреагировал на наше вторжение сразу. Эта методика была не раз опробована мной и Ураганом на практике и в случае с обычными зомби работала безотказно.

– Выпускай приманки! – велел я Панкрату, когда мы подступили к воротам хлебозавода. Они стояли распахнутыми – их запоры не выдержали натиска зомби и сломались, – но нам вторгаться туда нахрапом было неразумно. Сначала на завод должен был вторгнуться наш четвероногий «авангард», а уже потом наступал черед меня и Ананаса.

Самой лучшей и дешевой приманкой для зомби служили кролики, которых мы обычно приобретали у наших же нанимателей. Не кормленные пару суток, эти зверьки выпускались на нужную территорию и быстро разбегались по ней в поисках травы и прочего подножного корма. А копатели при виде припрыгавшей к ним свежей мясной пищи вмиг забывали обо всем и дружно бросались ее ловить. Как правило, им это удавалось. Но за время, что они вели охоту на кроликов, мы успевали, не привлекая к себе внимания, выйти на нужную позицию.

Панкрат выпустил из мешка в открытые ворота хлебозавода сразу полдюжины таких ушастых камикадзе. Учув запах растущей на заводском дворе травы, голодные кролики тут же рванули к ней, не подозревая, сколь жестокая участь им уготована.

Примерно минуту наш «авангард» спокойно грыз последний в своей жизни обед. Но как только первый кролик был замечен копателями, ему и его собратьям стало уже не до еды. Наименее шустрый из них был быстро пойман, но стоило лишь другим зверькам услышать его предсмертное верещанье, и они стремглав пустились наутек от накинувшихся на них отовсюду зомби. Которым в свою очередь приходилось бороться не только с шустрой добычей, но и друг с другом, ведь делиться трофеями или уступать их сопернику без драки озверелые копатели не привыкли.

Дождавшись, когда они войдут в азарт и устроят между собой потасовку, мы с Ананасом прошмыгнули в ворота и бросились к водонапорной башне, стоящей в северо-восточном углу двора. Это была обычная железная колонна высотой около десяти метров с резервуаром, верхушка которого могла послужить нам площадкой для ведения кругового обстрела. Взбираться на нее предстояло по лестнице из приваренных к водокачке металлических скоб. Копатели умели пользоваться лестницами не хуже нас. Но поскольку иным способом подняться вверх было нельзя, им придется делать это под градом наших пуль. К чему мы и стремились, ибо нет проще способа разделаться с врагами, когда те лезут к тебе в один ряд друг за дружкой, будучи не в силах увернуться от твоих выстрелов.

Панкрат бежал первым с тесаком наголо. Я следовал за ним, неся на плече пулемет. Открывать стрельбу по дороге к водокачке было рано, но добежать туда незамеченными у нас все равно не получилось бы. Два копателя, что отстали от собратьев, обнаружили наше присутствие и, забыв о кроликах, устремились к нам. И если бы мы открыли по ним огонь, остальные противники не оставили бы это без внимания.

Первоначальное нежелание Ананаса убивать зомби вскоре прекратило травить ему душу, и сегодня мы с ним были полностью солидарны в этом вопросе. Каждый копатель являл собой реальную угрозу для представителей вымирающего рода чисторуких. В том числе для нас с Панкратом. И потому, едва бегущая к нам бешеная парочка очутилась от него на расстоянии удара, он без колебаний раскроил копательские головы тесаком, проделав это в своей грубой, но эффективной манере. Когда требовалось, Ананас мог истязать врагов часами. Но копателям он всегда старался даровать мгновенную и легкую смерть.

Маневр удался. Когда мы достигли водонапорной башни, зомби во дворе все еще гонялись за последними кроликами и вырывали друг у друга ошметки тех,

которых они уже поймали. Несмотря на свои габариты, водокачка задрожала и начала покачиваться, когда мы стали подниматься по лестнице. Но я полагал, что вряд ли она рухнет под нами, порадовав копателей освежающим душем и двумя свеженькими трупами.

Впрочем, раскачивать ее больше необходимого мы не собирались. Установив пулемет и разложив остальное оружие – снайперскую винтовку, дробовик и мои револьверы, – мы без лишней суеты распределили между собой сектора обстрела, настроили прицелы и приступили к работе.

В бытность свою скитальцем-одиночкой Панкрату не доводилось таскать с собой пулемет. Тем не менее пулеметчик из него вышел, надо сказать, заправский. «Хеклер-кох-221» весил вместе с лентой почти полтора десятка килограммов. Но в ручищах моего нового напарника хватало мощи, чтобы укротить это оружие и вести из него не только беглый, но и прицельный огонь. А полезная привычка беречь патроны удерживала Ананаса от безрассудной пальбы, хотя достать сегодня пулеметные боеприпасы всех видов и калибров не представляло особой сложности.

Выкосив короткими очередями всех перепачканных свежей кровью охотников на кроликов, Панкрат замер в ожидании, когда во двор выбегут новые копатели. Я тем временем осмотрел в бинокль территорию завода и попробовал заглянуть через окна в цеха. Мы заняли самую высотную точку в округе и могли вести огонь даже по крышам, но зомби на них не поднимались. Все они околачивались на складах и в цехах, грызя заплесневелые буханки и запихивая в рот прокисшее тесто; страсть к поеданию разной вонючей гнили и отбросов также роднила их с животными.

Грохот пулемета должен был отвлечь от еды большинство тварей и выманить их наружу. А чтобы их поторопить, я поймал в оптический прицел «хеклер-коха-28» маячащий за грязным стеклом ближайшего склада силуэт и выпустил в него пулю.

Насколько метким оказался мой первый выстрел, судить трудно. Когда осколки выбитого мной стекла выпали из рамы, в окне промелькнуло как минимум два десятка бегущих к выходу взбудораженных копателей. Примерно столько же высыпало из ворот соседнего склада. И Панкрат вновь открыл огонь, стараясь выкосить противников на дальних подступах к водокачке, пока те не сообразили, откуда в них летят пули.

Сообразили они, разумеется, почти сразу. И когда обе стаи зомби объединились и устремились к нам, мы начали палить по ним уже без передышки. Пулемет и самозарядная «снайперка» того же калибра – хорошие инструменты, чтобы прореживать толпу врагов на большом расстоянии. Но эта толпа двигалась слишком быстро, и нам при всем старании было не перебить ее всю, прежде чем она достигнет водокачки.

Первым возле нее очутился крепыш, который еще на бегу дал понять, что он – один из тех берсерков, насчет которых нас предупреждали сельчане. Двигаясь зигзагом, он метался из стороны в сторону быстрее, чем мы успевали взять его на мушку, и потому шутя прорвался через наш огневой заслон. На бегущих рядом собратьев берсерку было наплевать. Он беспардонно расталкивал их, а кого-то и вовсе сбивал с ног.

Отстреливаясь мы от зомби на земле, этот монстр заставил бы нас серьезно понервничать. Но поскольку прыгать вверх на десять метров он все же не умел, ему было так и так не миновать лестницы. А на ней особо не распрыгаешься и от пули не увернешься.

– Не отвлекайся! – крикнул я припавшему к пулемету Ананасу. – Я займусь «толстяком»!

Отложив винтовку, я схватил «Вебрь» и подбежал с ним к лестнице в тот момент, когда «толстяк» уже заскочил на нее. Отягощенные оружием и боеприпасами, мы с Панкратом взбирались на водокачку не меньше минуты. Двигающийся налегке берсерк мог проделать это за считанные секунды. И проделал бы, кабы не прилетевшая ему в лицо ружейная картечь. Правда, за миг до выстрела он попытался увернуться и, держась за ступеньку, качнулся на руках в сторону, словно обезьяна на ветке. Поэтому в него угодила не весь картечный заряд, а лишь половина.

Вместо того чтобы лишиться головы, прыгун поплатился только нижней челюстью и левой щекой. Это были не фатальные повреждения даже для обычного копателя, а для берсерка подавно. Более того, я даже не смог замедлить скорость его подъема. Качнувшись обратно, он вновь подбросил свое тело вверх и одним махом преодолел еще несколько ступенек. И оказался так близко от меня, что через пару таких рывков смог бы ухватиться за ствол моего оружия.

Но тем и хорош полуавтоматический дробовик, что он за три секунды выпускает весь свой магазин и пробивает в мишени почти сотню дырок. Обрушивать на берсерка свинцовый дождь мне, к счастью, не потребовалось – хватило и двух выстрелов. Враг хотел использовать свой финт еще раз, но я усвоил урок и вместо того, чтобы стрелять ему в голову, выстрелил по рукам. И когда он решил ухватиться за очередную ступеньку, то не смог этого сделать, поскольку обе его кисти были растерзаны в клочья. Беспомощно замахав руками и разбрызгивая кровь, берсерк хотел в отчаянной попытке зацепиться ими за ступеньки, но тщетно. И в итоге, перевернувшись вверх тормашками, грохнулся на землю.

Любого другого падение вниз головой с такой высоты прикончило бы в момент. Тем не менее я не раз наблюдал, как берсерки кидались в бой со свернутой или наполовину перерубленной шеей. Этот копатель тоже наверняка был весьма живуч. Хотя я не стал это проверять и, прицелившись получше, снес ему начисто башку третьим выстрелом. Но даже после такого урона его обезглавленное тело поднялось на ноги и бросилось к лестнице... правда, лишь затем, чтобы рухнуть у ее подножия и больше не подняться.

Впрочем, оно бы упало в любом случае. Едва я окончательно угомонил его, как к лестнице подбежали зомби, которых Панкрат не успел расстрелять на подходе к водокачке. И которые втоптали в землю агонизирующего берсерка столь же безжалостно, как он до этого расталкивал их. Эти твари были не такие шустрые, но они все равно двигались шустрее нас. И целеустремленность, с которой они ринулись на штурм лестницы, не позволяла счесть эту угрозу менее опасной.

Ананас оставил свою позицию и присоединился ко мне. Встав у края площадки, он начал бить короткими очередями поседающим на лестницу противникам. Я до сих пор не мог привыкнуть к той одержимости, с которой они всегда это делали. Было в ней нечто такое, отчего всякий раз у меня по коже пробежали мурашки. Такое поведение уже не позволяло относить копателей к людям, даже страдающим тяжелым психическим заболеванием. Обуздать их в состоянии столь безудержной агрессии могли разве что их поводыри. Да и они поступали так лишь затем, чтобы направить ту агрессию в нужное русло, не давая ей растрачиваться понапрасну.

Глядеть на буйство человекообразных монстров, которых не страшили летящие в них пули, было жутко, хотя эта картина давно стала для меня привычной. Но в то же время их злоба прекрасно меня отрезвляла и избавляла от всех иллюзий.

Стоило лишь мне представить, что будет, если эта орава доберется до нас, как мой палец сам начал жать на спусковой крючок, а глаза наотрез отказывались видеть в беснующихся зомби людей. И уж тем более я не выделял среди них отдельных личностей. Чем дальше копатель шел к Котловану, тем больше он обрастал грязью, покрывался гнойниками, язвами и другими незаживающими болячками, отчего переставал походить даже на обычного бомжа. А когда такое существо еще и проявляло к тебе агрессию, вся жалость к нему вмиг улетучивалась без остатка.

Это за крепкими стенами какой-нибудь фортеции можно сидеть в уютном кабачке и философствовать о великой ценности человеческой жизни, даже если эти жизни принадлежат копателям. А когда они окружают тебя в дикой глуши и тебе неоткуда ждать помощи, вся эта гуманистическая философия сразу превращается в пустой, бессмысленный звук. После чего ты быстро учишься ценить иные, гораздо более жизнеутверждающие звуки: грохот твоего автомата или дробовика. Потому что лишь оружие способно окончательно разрешить дилемму, чья же все-таки жизнь тебе дороже: твоя или жизни тянущихся к твоей глотке зомби...

Последнюю пулю в их бешеную свору выпустил я, поскольку у Ананаса к этому моменту как раз иссякла пулеметная лента. «Вепрь» бабахнул в последний раз и умолк, а с ним умолк и последний атаковавший нас копатель. Он подбирался к лестнице по агонизирующим телам собратьев и тоже присоединился к ним, увенчав собой эту кровавую пирамиду из растерзанной пулями плоти.

– Похоже, Иваныч, не сработало сегодня твое «правило Квадро», – заметил Ананас, отставляя перезаряженный пулемет и закуривая очередную сигарету. – Глянь, как все складно вышло. Пришли, увидели, победили, и дело в ажуре! А ты говоришь – так не бывает...

«Правило Квадро», о котором упомянул Панкрат и которое я вывел на заре своей наемничьей карьеры, гласило: ни одна работа, за которую я бы ни взялся, не проходит в строгом соответствии с первоначальным планом. Не потому, что я был таким уж дерьмовым планировщиком и стратегом. Просто условия, в которых нам доводилось работать, складывались всякий раз чересчур непредсказуемо. И мы при всем старании не могли предусмотреть все ожидающие нас вероятные и невероятные сюрпризы.

Охотясь на бандитов, мы рисковали в любой момент привлечь к себе копателей либо столкнуться с другими противниками (так, как я столкнулся, к примеру, с Ананасом). Ну а про стаи зомби и говорить нечего. Они были воистину неукротимой, своенравной стихией, чье передвижение вписывалось лишь в одни рамки – рамки теории Хаоса. Любой не зависящий от нас случайный фактор – резкая перемена ветра, раздавшийся неподалеку шум, блеснувший в глаза солнечный зайчик, незнакомый запах, промелькнувшая над головой птица и многое-многое другое – мог изменить характер поведения копателей. После чего, согласно вышеупомянутой теории, менялась и вся картина происходящего вокруг нас. И не факт, что менялась окончательно. За одними переменами могли стремительно последовать другие, за ними – третьи, и так далее.

Конечно, полностью отказываться от планирования и действовать наобум тоже было нельзя. Поэтому мы старались выстраивать наши планы максимально гибкими. Такими, чтобы их можно было оперативно корректировать прямо на ходу. Это уменьшало наши шансы на ошибку, но не отменяло «правило Квадро», с которым не так давно познакомился Ананас.

– Так не бывает. «Правило Квадро» не дает осечек, – вновь повторил я старую, проверенную временем истину. – Давай сначала убедимся, что наша работа завершена, и уже тогда...

«...И уже тогда будем делать окончательные выводы», – хотел сказать я, но не договорил. Меня отвлек раздавшийся внизу новый шум. Он сильно отличался от шума, источник которого мы только что устранили. И причина, которая его породила, тоже двигалась сейчас в нашу сторону...

Глава 7

– Долбаный профи! – выругался я. – И какого лешего ты не издох вместе с остальными!

– Во дает, чудило безмозглое! – удивился вслед за мной Панкрат, едва не выронив изо рта сигарету. – Я и не знал, что эти твари на такое способны! Видел раньше что-то подобное, Иваныч?

– Видеть не видел, но слышал, что некоторые профи могут и не такое, – ответил я, поднимая снайперскую винтовку. – Нам повезло, что у него не танк, а обычный трактор! Ладно, обожди чуток – сейчас урою этого сукиного сына!

«Сукин сын», который нас удивил, не участвовал в отгремевшей бойне, поскольку был в это время в заводском гараже. Куда он, естественно, удрал вовсе не с перепугу. Сохранившиеся в памяти этого зомби навыки подсказали ему, как напасть на нас более продуктивно. А поскольку в прошлой своей жизни он, не иначе, был трактористом, то ноги сами привели его в гараж, откуда защитники хлебозавода не успели вывести технику. И вот теперь к водокачке ехал, задрав огромный ковш, четырехколесный трактор-погрузчик – пожалуй, самый сильный контраргумент из тех, что предъявляли мне копатели, на которых я когда-либо охотился.

Погрузчик двигался рывками и то и дело вилял из стороны в сторону. Работа, с которой этот тракторист прежде справлялся шутя, ныне требовала от него огромных умственных и физических усилий. То, что он вообще завел машину, стронул ее с места и вел правильным курсом, уже было для зомби невероятным достижением. И я почти не сомневался, что он не промахнется мимо водонапорной башни, поскольку единственными преградами у него на пути были оставленные нами трупы, на которые профи не обращал внимания и давил их колесами, не притормаживая ни на секунду.

Намереваясь снести ему башку винтовочным выстрелом, я вдруг столкнулся с непреодолимым затруднением. Ковш погрузчика был задран так, что загоразивал от меня кабину и сидящего в ней копателя. Пальнув для проверки и выяснив, что пробить толстый металл 7,62-миллиметровой пулей невозможно, я приказал Ананасу бить очередями по колесам. А сам решил дожждаться, когда трактор подъедет поближе. Тогда угол моего обзора изменится, и голова профи станет мне видна из-за верхнего края ковша.

Эту работу Панкрат тоже выполнил на «отлично». А вот я своей очереди стрелять так и не дождался. Еще до того, как я увидел цель, стало очевидно, что лопнувшие колеса не остановят разогнавшийся погрузчик и он все равно врежется в башню. Как не остановит его и гибель водителя. Вместо того чтобы поливать его свинцом, нам требовалось живо удирать с водокачки, пока она не рухнула. Что грозило случиться почти наверняка, учитывая вес нацеленного на нее колесного тарана.

Закинув за спину бесполезное против такой угрозы оружие, мы бросились к лестнице. Но как бы мы ни спешили, трактор столкнулся с водокачкой прежде, чем мы достигли земли.

– Держи-и-ись! – проорал я спускающемуся вслед за мной напарнику, хотя он и сам видел, что вот-вот произойдет, и мог предугадать последствия.

Зубчатый ковш прорубил бок водокачки, словно гигантский топор, и сломал одну из укрытых под обшивкой каркасных опор. Потеряв устойчивость, башня накренилась, ее резервуар сорвался с креплений и рухнул на землю. Где и лопнул, выплеснув из себя разом добрую сотню тонн воды. Не вцепись мы мертвой хваткой в лестничные скобы, то неминуемо плюхнулись бы в мгновенно разлившуюся под нами огромную грязную лужу. Но благодаря тому, что сбросившая с себя груз опорная колонна устояла в наклонном положении, нам, можно сказать, повезло. И мы повисли в пяти метрах над водой и расколовшейся надвое цистерной, болтая ногами и кроя матом зомби-тракториста.

Выбив при столкновении головой лобовое стекло, он все-таки не вылетел наружу, а, оставшись в кабине, продолжил атаку. Будь на его месте человек, он бы отогнал сейчас трактор немного назад и взял разгон для повторного тарана. Но для копателя-профи такие маневры были слишком сложны. Все, на что у него хватило ума, это продолжать с упрямством барана давить ковшом сломанную водокачку. Трактор ревел двигателем и, вырывая из-под себя грязь, медленно, но уверенно сгибал опору к земле. И как только там окажемся мы, смерть под колесами была нам практически гарантирована.

Одно хорошо: ничто теперь не заслоняло от меня водителя, и я мог побороться за наши с Панкратом жизни. Вопрос лишь в том, как мне удержаться на ходящей ходуном опоре и не выронить оружие, ведь у меня всего две руки и нет навыков воздушного гимнаста.

– Вот же наглючая тварь! – процедил я сквозь зубы. И, отринув идею пристрелить профи с высоты, вновь пополз вниз, стараясь не сорваться с накренившейся и трясущейся лестницы.

Я и Ананас были вынуждены соскочить в воду, когда опора наконец-то сломалась и, более ничем не удерживаемая, упала поверх обломков резервуара. Благо до земли оставалась всего пару метров, и глубина лужи оказалось по

щиколотку, так что эти неприятности мы пережили. Вернее, мы вообще не обратили на них внимания, поскольку сразу же бросились бежать, дабы не угодить под тракторные колеса.

А трактор, сокрушив удерживавшую его преграду, с рычанием рванул вперед, будто сорвавшаяся с цепи гигантская собака. Профи при этом таранился на нас из бокового окна кабины, да только задавить нас сей же миг он не мог. Сначала ему требовалось развернуть погрузчик, что займет у него какое-то время, тем более что ему еще и надо было переехать через обломки водокачки.

– Ну все, хватит ломать комедию! – крикнул я, пускай тракторист меня и не слышал. После чего выхватил из кобуры Бедлам и двумя пулями снес голову не на шутку разбушевавшемуся профи.

Этого хватило, чтобы завершить наше с ним короткое, но драматичное противостояние. Тело зомби выпало из кабины в лужу, а неуправляемый погрузчик, прокатившись по инерции еще немного, уперся в бетонный забор. Проломить который ему уже не удалось, и он, чихнув несколько раз двигателем, перестал буксовать и заглох.

– Дерьмо! Даже покурить спокойно не дадут! – Ананас выплюнул намокшую при спуске с водокачки сигарету и, утерев лицо, закурил новую. – Надеюсь, этот механизатор был здесь последним!

– Не надейся, – огорчил я его. – То, что сюда больше никто не прибежал, еще ни о чем не говорит. «Колхозники» из Подлесного уверяли, что в стае было как минимум два берсерка. И, вероятно, столько же профи – вспомни про зомби, что палил по заводской охране из ружья. Так что прекращай брюзжать, неси «тяжелую артиллерию» в машину и айда осмотрим здания. Бьюсь об заклад, вечер интересных встреч для нас с тобой еще не окончен...

– А случалось такое, чтобы зомби подышали от дизентерии? Ну или там от заворота кишок? – поинтересовался Панкрат после того, как мы избавились от оружия, что могло нанести серьезный урон оборудованию, которое теперь следовало беречь еще тщательнее. Мы и без того здесь набедокурили: не уберегли от разрушения водокачку и прострелили колеса погрузчику, за что сельчане явно нас не поблагодарят. А если в этот список добавится хлебопекарня, боюсь, как бы нам тогда и вовсе не остаться без вознаграждения.

– Страдай копатели от желудочно-кишечных болезней, все они передохли бы еще на полпути к Котловану, – рассудил я. – Они ведь с голодухи абсолютно ничем не брезгают. Даже той дохлятиной, на которую не каждая уважающая себя муха сядет. И вся эта дрянь, представь себе, в желудках у зомби отлично переваривается.

– Ясно. Стало быть, прокисшее сырое тесто их подавно не убьет, – разочарованно заключил Ананас.

– Ну, разве только оно свалится им на головы вместе с чаном... – Я заглянул в ворота первого попавшегося нам на пути цеха, но там, по всем признакам, было пусто. Копатели могли не расслышать стрельбу или по какой-то причине не выбежать на шум, но затаиваться от нас в страхе они бы точно не стали. Тем не менее зайти в цех и проверить его закоулки все равно было необходимо. А иначе как мы сможем дать гарантию, что наша работа полностью выполнена?

Чем больше мы обследовали строений и находили их пустыми, тем выше была вероятность, что все оставшиеся копатели собрались где-то в одном месте. Что было и хорошо, и плохо. Уничтожить собравшуюся в одном помещении толпу врагов не в пример легче, нежели когда она бежит по открытому пространству, если только то помещение не заставлено оборудованием, которое мы обязались беречь. При таком раскладе придется выманывать зомби в какой-нибудь коридор или подсобку – лишние хлопоты и риск, но без них не обойтись...

Копатели, не участвовавшие в атаке на водокачку, отыскились в третьем из четырех цехов, куда нам требовалось заглянуть. Врагов было еще десятка два. Немало, но нам повезло заметить их первыми и при этом не выдать себя. Войдя в цех, мы тут же спрятались за конвейерной линией. И, заняв самую выгодную позицию для стрельбы, осмотрелись получше.

Не обратившие на нас внимания копатели столпились возле крупногабаритного агрегата, на фронтальной стороне которого имелась железная дверь. Она была закрыта, и зомби пытались ее сломать: молотили по ней кулаками и скребли ее ногтями. Делали они это с маниакальным упорством, отчего сразу стало понятно, почему их не всполошила наша стрельба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/roman-glushkov/beshenyuy-mir-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)